

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
YEREVAN STATE UNIVERSITY

ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՌՈՒՍ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ

ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

BULLETIN OF YEREVAN UNIVERSITY
RUSSIAN PHILOLOGY

ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
SOCIAL SCIENCES

№ 1 (20)

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРЕВАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
YEREVAN STATE UNIVERSITY PRESS

ԵՐԵՎԱՆ – 2022

Журнал "Вестник Ереванского университета. Русская филология" выходит два раза в год. Издается с 2015 года. Правонаследник издававшегося в 1967-2009 гг. журнала "Вестник Ереванского университета".

«Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս քանասիրություն» հանդեսը լույս է տեսնում տարեկան երկու անգամ: Հրատարակվում է 2015 թվականից: Երավահաջորդն է 1967-2009 թթ. հրատարակված «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի:

The "Bulletin of Yerevan University. Russian Philology" is published twice a year. It has been published since 2015. It is the successor of "Bulletin of Yerevan University" published in 1967-2009.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Акопян Левон** (к.фил. н., доц.),

Балаян Павел (к.пед.н., доц.), **Газарова Диана** (к.фил.н., доц.), **Геворкян Татьяна** (Москва, д.фил.н.), **Денисенко Владимир** (Москва, д.фил.н., проф.), **Джанполадян Магдалина** (д.фил.н., проф.), **Лалаян Сусанна** (к.фил.н., доц.), **Матевосян Лианна** (д.фил.н., проф.), **Мхитарян Карине** (к.фил.н., доц.)

Խմբագրական խորհուրդ.

Գլխավոր խմբագիր՝ **Հակոբյան Լևոն** (բ.գ.թ., դոց.)

Բալայան Պավել (վ.գ.թ., դոց.), **Գազարովա Դիանա** (բ.գ.թ., դոց.), **Գևորգյան Տատյանա** (Մոսկվա, բ.գ.դ.), **Դենիսենկո Վլադիմիր** (Մոսկվա, բ.գ.դ., պրոֆ.), **Լալայան Սուսաննա** (բ.գ.թ., դոց.), **Մաթևոսյան Լիաննա** (բ.գ.դ., պրոֆ.), **Մխիթարյան Կարինե** (բ.գ.թ., դոց.), **Ջանփոլադյան Մագդալինա** (բ.գ.դ., պրոֆ.)

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Hakobyan Levon** (PhD in Philology, Associate Professor)

Balayan Pavel (PhD in Pedagogy, Associate Professor), **Denisenko Vladimir** (Moscow, Sc. D. in Philology, Professor), **Gazarova Diana** (PhD in Philology, Associate Professor), **Gevorgyan Tatyana** (Moscow, Sc. D. in Philology), **Janpoladyan Magdalena** (Sc. D. in Philology, Professor), **Lalayan Susanna** (PhD in Philology, Associate Professor), **Matevosyan Lianna** (Sc. D. in Philology, Professor), **Mkhitaryan Karine** (PhD in Philology, Associate Professor)

АКСИОМАТИКА ПОЭТИЧЕСКИХ СВЕРХТЕКСТОВЫХ ЕДИНСТВ

ЛЕВОН АКОПЯН

В статье представлено обоснование термина «поэтическое сверхтекстовое единство», вводимого автором для обозначения интегративного понятия, объединяющего в себе такие формы организации поэтических текстов как венки сонетов, лирический цикл и книга стихов.

В первую очередь оговаривается принципиальное отличие данного термина от сопредельного понятия «сверхтекст», представляющего собой совокупность тематически связанных текстов, созданных в разное время разными авторами.

Для экспликации понятия «сверхтекстовое единство» используется метод пошагового расширения семантики термина. Выявляются и обстоятельно исследуются основные параметры сверхтекстового единства, характеризующие каждую из названных форм организации множества текстов в целостное единство.

Предварительно проведенное исследование позволило выявить наиболее существенные параметры сверхтекстового единства. Эти параметры устойчиво, хотя и с разной интенсивностью проявляются в венке сонетов, лирическом цикле и книге стихов. Таковыми являются: замкнутое множество текстов, наличие общего заглавия, упорядоченность, взаимосвязанность, взаимная дополняемость.

Последние три параметра определяют связность сверхтекстового единства, которая не тождественна внутритекстовой связности. Внутритекстовая связность обеспечивается главным образом синтагматическим развертыванием текста. Межтекстовые связи проявляются преимущественно в парадигматическом со- и противостоянии семантических систем компонентов сверхтекстового единства благодаря наличию разноуровневых межтекстовых повторов, обеспечивающих возникновение структурных, ассоциативных и коннотативных связей между текстами. Парадигматические связи предопределяют возникновение семантического напряжения между текстами, в результате которого порождаются новые смыслы, не выводимые из семантической системы каждого отдельного поэтического текста.

Ключевые слова: *поэтическое сверхтекстовое единство, венки сонетов, лирический цикл, книга стихов, параметры, упорядоченность, взаимосвязанность, взаимная дополняемость*

AXIOMATICS OF THE POETIC SUPERTEXTUAL UNITS

LEVON AKOPYAN

The article presents the substantiation of the term "poetic supertextual unit" introduced by the author to denote an integrative concept that combines such forms of organization of poetic texts as a crown of sonnets, a lyric cycle and a book of poems.

First of all, the fundamental difference between this term and the adjacent concept of "supertext", which is a set of thematically related texts created at different times by different authors, is determined.

For the explication of the concept of "supertextual unit" the method of step-by-step expansion of the semantics of the term is used. The main parameters of the super-textual unit, which characterize each of the named forms into an integral unit, are identified and studied in detail.

A preliminary study made it possible to identify the most significant parameters of the super-textual unit. These parameters are stable, although with varying intensity, in the crown of sonnets, the lyrical cycle and the book of poems. These are: a closed set of texts, a common title, orderliness, interconnectedness, complementarity.

The last three parameters determine the cohesion of the super-textual unit, which is not identical to the intratext cohesion. The intratextual coherence is provided mainly by the syntagmatic expansion of the text. The cross-textual connections are manifested mainly in the paradigmatic comparison and opposition of the semantic systems of the components of the super-textual unit due to the presence of multilevel cross-textual repetitions that ensure the emergence of structural, associative and connotative links between texts. Paradigmatic connections predetermine the emergence of semantic tension between texts, as a result of which new meanings are generated.

Keywords: *poetic super-textual unit, crown of sonnets, lyric cycle, book of poems, parameters, orderliness, interconnectedness, complementarity*

Поэтическое сверткестовое единство: термин и понятие

Введение в научный обиход нового термина в первую очередь требует четкого определения границ понятия, обозначаемого этим термином.

В специальной литературе понятия, а стало быть и обозначающие их термины классифицируются по разным признакам. С точки зрения наших задач существенное значение имеет классификация, определяющая иерархические отношения между понятиями. Исследователи по-разному именуют эти отношения: родовые и видовые (Гринев-Гриневиц, 2008, с.63), собирательные или разделительные (Лейчик, 2009, с.22), интегрирующие и дифференцирующие. Как пишет Гринев-Гриневиц, «родовидовые отношения существуют между родовым, широким по объему понятием и входящими в него более узкими, видовыми понятиями» (с.81).

Как видим, суть этого иерархического деления заключается в том, что одни термины-понятия объединяют множество соотносимых между собой частных объектов, а другие нацелены на представление особенности каждого отдельного явления. Так, дифференциация подразумевает выявление и обозначение частных или дробных явлений в системе некоторого относительно общего понятия; интеграция, наоборот, представляет собой объединение в одном термине реалий и явлений, которые при всех отличиях обнаруживают известную общность (параметров, качеств, свойств), позволяющую рассматривать их как определенное единство.

Предлагаемый нами термин «поэтическое сверткестовое единство» обозначает интегративное понятие, которое на самом общем уровне можно представить как объединение определенного множества текстов по некоторому общему признаку или принципу. Результатом этого объединения является порождение поэтических смыслов, однозначно не выраженных ни в одном отдельном тексте, а возникающих в результате семантического взаимодействия составляющих сверткестовое единство поэтических текстов. Это множество поэтических смыслов мы называем *свертк-*

текстовым смысловым комплексом.

С нашей точки зрения, введение понятия «поэтическое сверхтекстовое единство» дает возможность с некоторой общей точки зрения рассмотреть такие формы сверхтекстовой организации как венки сонетов, лирический цикл и книга стихов.

Сверхтекст и сверхтекстовое единство

Перед тем как обратиться к обоснованию понятия поэтическое сверхтекстовое единство, необходимо остановиться на одном вопросе, дабы предотвратить возможные недоразумения и путаницу.

С начала 1970-ых годов В.Н. Топоров разрабатывал проблему, которую он обозначил как «Петербургский текст». Итогом этих многолетних изысканий стала основополагающая статья «Петербург и "Петербургский текст русской литературы". (Введение в тему)» (Топоров, 1995, сс.259-367), в которой автор ввел термин «сверхтекст» для «указания круга основных текстов русской литературы» (с.277), связанных с Петербургом.

Несмотря на то что современная литературоведческая традиция прочно связывает возникновение термина «сверхтекст» с именем Топорова, следует подчеркнуть, что это слово исследователь употребляет скорее в оценочном, нежели в терминологическом значении. Подтверждением сказанному является то обстоятельство, что на протяжении довольно пространный статьи это слово встречается лишь дважды, причем Топоров нигде не дает четкого определения сверхтекста, ограничиваясь лишь описательным его представлением.

Импульс, заданный работой В.Н. Топорова, был подхвачен рядом исследователей, которые продолжили разработку представленных в статье тем и идей. Работы эти велись в основном по двум направлениям.

Первое, наиболее очевидно связанное с исследованием В.Н. Топорова, было связано с разработкой так называемых «локальных» сверхтекстов, связанных с определенными культурными топосами (Московский, Крымский, Кавказский, Пермский, Венецианский, Лондонский и т.д.), а также «персональных» сверхтекстов, связанных в первую очередь с именами поэтов и писателей (Пушкинский, Шекспировский, Дантовский и др.).

Другой вектор исследований, непосредственно соотносящийся с интересующими нас проблемами, связан с разработкой теоретических аспектов сверхтекста и выявлением его сущностных характеристик. В работах (Тюпа, 2009), (Купина, Битенская, 1994), (Меднис, 2003), (Лошаков, 2008), представлены концепции сверхтекста, обнаруживающие как общность взглядов исследователей, так и существенные расхождения. Изучение названных работ позволяет сделать некоторые обобщения. В частности, можно утверждать, что основные разногласия в области теории сверхтекста сосредоточены вокруг двух проблем: проблемы авторства (один автор или некоторое множество авторов) и проблемы открытости-закрытости (а также связанной с ней проблемы темпоральной, локальной и пр. ограниченности-неограниченности) сверхтекста. И та и другая проблема, не будучи единственно важными для теории сверхтекста, являются тем не менее определяющими параметрами, в существенной мере детерминирующими видение этого неоднозначного понятия.

Параметры поэтического сверхтекстового единства

Наша концепция сверхтекстового единства, изложению которой будет посвящен данный параграф нашей работы, также ориентируется, в числе других, и на проблему авторства, равно как и на проблему открытости-закрытости.

Учитывая важность этих двух проблем, мы хотим с самого начала однозначно определиться с ними.

Итак, мы полагаем, что:

1. сверхтекстовое единство есть некоторый комплекс художественных (в данном случае – поэтических) текстов, созданных *одним и только одним автором*;

2. сверхтекстовое единство есть *закрытое* множество текстов.

Дальнейшее изложение нашей точки зрения считаем целесообразным представить в виде комментированного пошагового расширения понятия «поэтическое сверхтекстовое единство»¹, что позволит достаточно строго обосновать и определить эту специфическую форму текстовой организации. Это те исходные положения, своего рода аксиомы, на основании которых мы и разрабатываем проблемы теории поэтических сверхтекстовых единств.

1. СВЕРХТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО – ЭТО ОПРЕДЕЛЕННОЕ **МНОЖЕСТВО** ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.

Это утверждение достаточно тривиально, так как представление о сверхтексте вообще связано с констатацией объединения некоторого множества текстов в единое целое. Однако и в этом простом утверждении возникает необходимость уточнения некоторых, не всегда очевидных, моментов. Таковыми, в частности, являются качественные и количественные критерии сверхтекстового единства. Если первый (качественный) критерий можно считать интуитивно очевидным, что на самом умозрительном уровне можно сформулировать как «объединение определенного множества текстов по некоторому общему признаку/принципу», то критерий количественный требует более обстоятельного разговора.

Говоря о количественном критерии, мы имеем в виду вопрос о минимуме и максимуме поэтических текстов в сверхтекстовом единстве. Что касается «нижней» границы его, то очевидно, что всякий сверхтекст может состоять по крайней мере из двух текстов.

Сложнее обстоит дело с «верхней» границей сверхтекстового единства. «Верхнюю» границу трудно установить по нескольким причинам.

Одна из них заключается в том, что в литературоведческой науке недостаточно четко проведена граница между, например, лирическим циклом и такими соотносимыми явлениями, как раздел в собрании стихотворений, книга стихов и пр. За исключением сверхтекстовых организаций с жестко предписанным количеством текстов, каковыми являются так называемые «магистральные» формы (например, классический венок сонетов, состоящий из 15 поэтических текстов), все остальные разновидности сверхтекстовых единств (лирический цикл, книга стихов) настолько раз-

¹ В качестве прецедента такого подхода можно указать на фундаментальное исследование (Лосев, 1976), в котором методом пошагового расширения представлены аксиоматические теории знака и символа.

няться по своим количественным параметрам, что всякая попытка хотя бы приблизительного обозначения количественных границ этих текстовых массивов становится достаточно проблематичной.

Это, в частности, обусловлено отличием прагма-коммуникативной интенции разных форм сверхтекстовых единств. Если венки сонетов предполагают одномоментное прочтение всего корпуса текстов от начала до конца (потому что иначе невозможно осознать своеобразие этой художественной формы, равно как и осмыслить взаимообусловленность составляющих его поэтических текстов), то иначе обстоит дело с книгой стихов: не всякий любитель поэзии возьмется «в один присест» прочитать, скажем, «Tertia Vigilia» Брюсова.

Другая причина заключается в том, что границы сверхтекстового единства как динамического и взаимосвязанного единства поэтических текстов связаны с психологическими проблемами оперативной памяти, предопределяющими возможность проспективного и ретроспективного восприятия реципиентом такого определяющего для сверхтекстового единства фактора, каковыми являются межтекстовые связи. Иначе говоря, для того, чтобы множество поэтических текстов могло быть воспринято как некоторое единство, актуализирующее для декодирующего сознания возникающие на межтекстовом уровне связи, сверхтекстовое единство должно быть ограничено «обозримым» числом текстов. Так, по наблюдениям И.В. Фоменко, средний объем поэтических текстов в лирическом цикле составляет 7-10 стихотворений (Фоменко, 1984, с.23).

Впрочем, восприятие множества поэтических текстов как некоторого единства в существенной мере зависит от фактора «тесноты ряда» (термин Ю.Н. Тынянова), предопределяемой интенсивностью межтекстовых повторов и других структурообразующих компонентов сверхтекстового единства. Чем выше степень тесноты ряда, тем большее количество текстов могут вступать в проспективное и ретроспективное взаимодействие в читательском сознании. Таким образом, при достаточной интенсивности межтекстовых связей количество текстов, составляющих лирический цикл, может существенно превосходить средний объем, указанный Фоменко (например, «Снежная маска» А. Блока).

2. СВЕРХТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО – ЭТО *ЗАДАННОЕ* МНОЖЕСТВО ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.

Необходимость особого выделения этого момента обусловлена двумя обстоятельствами, касающимися в первую очередь лирического цикла. Первое из них продиктовано стремлением определить границу между терминологическим и нетерминологическим употреблением слова «цикл». Дело в том, что в обыденном сознании слово это соотносится с весьма разноплановыми явлениями. Так, например, в школьных и вузовских учебниках нередко можно встретить выражения типа «цикл стихотворений Пушкина о природе (любви, дружбе и т.д.)». Стихотворения Тютчева, посвященные Е.А. Денисьевой, традиционно объединяются в так называемый «денисьевский цикл». Примеры можно было бы продолжить. Во всех этих и аналогичных им примерах мы наблюдаем детерминологиза-

цию понятия и размывание границ термина «цикл».

Второе обстоятельство связано с проблемой авторства, которую впервые поставил М.Н. Дарвин: «Думается, всю обширную область лирических циклов в зависимости от их создателя (или автора в широком смысле слова) можно разделить на два основных типа: *авторские* и *читательские*. Создателем цикла в первом случае будет сам автор, творец поэтических произведений, во втором – читатель, глубоко воспринявший потенциально возможные контекстовые связи стихов того или иного поэта, выделивший их в своем сознании как художественное целое и давший циклу определенное название: «панаевский», «денисьевский» и т. д. Как разновидность читательских циклов можно выделить особую группу *редакторских* циклов. Создателем цикла в этом случае является редактор, циклизующий произведения какого-либо автора с таким расчетом, чтобы представить творческую индивидуальность писателя с определенных идейно-эстетических позиций» (Дарвин, 1983 с.19).

Классификация Дарвина нам представляется небесспорной по нескольким причинам. Одна на них заключается в том, что мы, собственно, понимаем под «читательским циклом» и кого мы подразумеваем под «читателем». Если это не редактор, так как он выделен в особую подгруппу («редакторский цикл»), то «читательский цикл» есть некоторое абстрактное понятие в том смысле, что он не имеет материального текстового воплощения в виде определенного конгломерата текстов, объединенных общим заглавием и отграниченного от других текстов. И каким бы «глубоким» ни было восприятие «потенциально возможных контекстных связей стихов», всегда найдутся два читателя, из коих один обнаружит эти связи между двумя текстами, а второй – между десятью. Причем, и в одном, и в другом случае мы не гарантированы от изрядной доли субъективизма. И если продолжить эту мысль *ad absurdum*, можно утверждать, что «читательских циклов» потенциально может быть столько же, сколько и читателей. В этой связи любопытно привести следующее наблюдение Фоменко: в монографиях Б. Городецкого и Л. Гроссмана, посвященных творчеству Пушкина, исследователь «обратил внимание на одну интересную деталь: оба автора объединяют в «воронцовский цикл» по девять стихотворений, но совпадают поименно только пять. Оставшиеся четыре каждый называет "свои"» (Фоменко, 1979, с.112).

Что касается «редакторского цикла», то он отличается от «читательского» разве что материализованностью: он опубликован. Субъективный момент здесь так же неизбежен, как и в случае с читательским циклом.

Выше мы отметили, что аспект заданности компонентов сверттекстового единства актуален для лирического цикла и для книги стихов. Естественно, что для магистральных форм этот параметр несуществен по определению: ни читатель, ни редактор не могут по своему усмотрению скомпоновать венок сонетов из отдельных произведений поэта.

Исходя из изложенного выше, мы считаем, что при изучении поэтики сверттекстового единства необходимо считать единственной данностью *авторскую интенцию*, т.е. *заданное самим автором множество поэтиче-*

ских текстов, так как в противном случае мы не можем гарантировать себя от случайностей и субъективных оценок.

3. СВЕРХТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО – ЭТО *ОЗАГЛАВЛЕННОЕ* МНОЖЕСТВО ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.

По меньшей мере два момента определяют необходимость включения этого параметра в предлагаемую систему аксиом поэтического сверхтекстового единства. Первый из них связан с важной для наших задач необходимостью разграничения понятий «заглавие» и «название». Несущественный на первый взгляд вопрос на деле имеет принципиальное значение, в особенности, когда речь идет о терминологическом и нетерминологическом употреблении этих слов.

Заглавие – это имя текста. Это вполне очевидное утверждение дает, однако, основание для некоторых отнюдь не тривиальных следствий относительно соотношения заглавия и текста. С одной стороны, рассматриваемый вопрос вовлекается в обширный круг одной из «вечных проблем» философии, касающейся соотношения имени и сущности обозначаемой им вещи/объекта. При всем многообразии концепций – от платоновской идеи о «правильности имен» вплоть до богословских споров вокруг «имяславия» религиозных философов XX века – все они совпадают в одном: в имени воплощена сущность объекта. Как писал А.Ф. Лосев, «...имя вещи принадлежит самой вещи и есть ее неотъемлемая собственность ... Существует вещь и существует ее *максимальное выявление*, или имя» (Лосев, 1993, с.848-849.) (выделено нами – Л.А.). В аспекте наших задач проблема соотношения имени и вещи трансформируется в другую – в соотношение заглавия (имени) и текста (вещи). Один из первых исследователей, увидевших в заглавии теоретическую проблему, писатель С.Д. Кржижановский пишет: «Заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно ... облегает текст и смысл, – вправе выдавать себя *за главное* книги», а чуть ниже обобщает: «Книга – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга. Или: заглавие – книга *in restricto*, книга – заглавие *in extenso*» (Кржижановский, 1931, с.3).

Занимая позицию абсолютного начала текста, заглавие выполняет двойную функцию. С одной стороны, оно является неотъемлемой частью структуры текста, и этом своем качестве заглавие выполняет различные внутритекстовые функции: номинативную, экспликативную и пр. С другой стороны, заглавие является репрезентантом текста во внеположенном ему мире, в том числе (и, пожалуй, в первую очередь) – в мире текстов, выступая «как полноправный представитель текста, его метонимический заместитель» (Фоменко, 2006, с.36).

С другой стороны, наличие заглавия, связывающего воедино некоторую группу текстов, определяет рамочную структуру сверхтекстового единства, в пределах которой составляющие это единство тексты располагаются в соответствии с определенными композиционными принципами.

Для поэтического текста заглавие является признаком факультативным. Причину этого хорошо объясняет Н.А. Веселова в своем диссертаци-

онном исследовании, посвященном заглавиям художественного текста: «В отличие от эпоса и драмы ... лирика имеет дело с одномоментным переживанием, замкнутым в самом себе и лишь опосредованно связанным с внешним миром ... Лирический текст нельзя читать "по частям", потому что "частей" в нем нет. Он существует только в одновременном взаимодействии всех своих элементов, выражая смысл только всей целостностью ... Сам лирический текст и есть имя» (Веселова, 1998).

То же самое можно сказать относительно поэтического текста, входящего в состав сверхтекстового единства: тексты-компоненты обычно не озаглавлены, хотя озаглавленные компоненты сверхтекстового единства встречаются довольно часто не только у поэтов, тяготеющих к озаглавлению вообще (В. Брюсов, В. Маяковский), но и, например, у А. Блока. В венке сонетов и в лирическом цикле последовательность этих текстов-компонентов обозначается чаще всего цифрами, которые, с одной стороны, упорядочивают сверхтекстовое единство, а с другой – представляют собой своеобразное замещение заглавия отдельного поэтического текста.

Говоря о заглавиях текстов-компонентов сверхтекстового единства следует обратить внимание на одну особенность, характерную преимущественно для венка сонетов и лирического цикла. Помимо свойственной заглавию вообще генерализирующей функции обозначения целостного сверхтекстового единства, каждый отдельный поэтический текст, воплощая в той или иной мере идею целого, потенциально может быть носителем заглавия этого целого. В качестве примера можно привести цикл А. Блока «Пляски смерти», составленный из ранее созданных стихотворений, каждое из которых в первоначальной публикации было озаглавлено либо «Totentanz» (нем.), либо «Пляска смерти». Этим объясняется нетрадиционная для этого средневекового жанра форма множественного числа («Пляски смерти») в заглавии блоковского цикла.

Название, в отличие от заглавия, не только не обладает выраженным текстовым статусом, но и не имеет тех тесных семантических связей с репрезентируемым им текстом, которые характерны для заглавия. Дифференциация заглавия и названия обусловлена важной с точки зрения рассматриваемых проблем необходимостью отграничить наше видение сверхтекстового единства от «терминологически» соотносимого, но не идентичного с ним понятия «сверхтекст», разрабатываемый в работах В.Н. Топорова и его последователей. Дело в том, что условные обозначения, данные исследователями сверхтекста определенным тематическим комплексам, типа «*Петербургский* (а следом и *Венецианский, Пермский, ночной* и пр.) текст русской литературы», заглавиями не являются. Это названия, характеризующие некий круг текстов, группируемый исследователями по тем или иным признакам.

По этой же причине не являются заглавиями и нестрогие обозначения типа «панаевский цикл» Н.А. Некрасова или «денисьевский цикл» Ф.И. Тютчева. Эти названия лишь указывают на адресатов стихотворений. Они не имеют текстового статуса, равно как и не имеют глубинных смысловых связей с семантической структурой соответствующих текстов.

4. СВЕРХТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО – ЭТО *УПОРЯДОЧЕННОЕ* МНОЖЕСТВО ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.

Говоря об упорядоченности сверхтекстового единства, мы имеем в виду прежде всего его композиционную организацию. Безусловно, любое художественное произведение, в том числе и сверхтекстовое единство, реализует определенный композиционный принцип, который обусловлен как формальными, так и семантическими факторами. В рассматриваемом нами аспекте формальный фактор проявляется в первую очередь в определенной последовательности распределения текстов в сверхтекстовом единстве и, таким образом, упорядоченность является *топологической* характеристикой, определяющей локализацию поэтического текста в структуре целого. Что касается семантического фактора, то он предопределяется авторской интенцией развертывания поэтического смысла. Следует отметить, что в разных типах сверхтекстовой организации пространственная упорядоченность проявляется по-разному. Так, в венке сонетов, где строгая упорядоченность поэтических текстов является непременным условием реализации этой жанровой формы, каждый текст занимает вполне определенное («здесь и только здесь») и только этому тексту предназначенное место. В лирическом цикле и в книге стихов формальный фактор проявляется менее интенсивно, и на первый план выступают семантические отношения между текстами. В лирическом цикле и в книге стихов топология текстов задается не столь строго. Это обстоятельство приводит к тому, что в последующих изданиях своих циклов и книг авторы порой перекомпоновывают их, не только добавляя новые тексты к уже имеющимся, но и изымая одни и вставляя другие произведения, и тем самым задают новую систему смысловых отношений в сверхтекстовом пространстве целого.

Упорядоченность является также *темпоральной* характеристикой, которую можно представить в двух взаимосвязанных, но противоположно направленных перспективах. Первая из них связана с авторской заданностью композиции сверхтекстового единства, проявляющейся в определенном порядке расположения поэтических текстов («что следует за чем»). Логика соответствующего расположения материала вполне очевидно прослеживается в некоторых разновидностях лирического цикла: в так называемых «сезонных» и, в особенности, «дневниковых» циклах (см., например, цикл М. Цветаевой «Подруга»).

Темпоральный параметр имеет и иную – прагматическую – направленность, связанную с особенностями восприятия временных искусств вообще и литературных произведений (в нашем случае – поэтических сверхтекстовых единств) в частности. Суть ее заключается в единстве проспективного и ретроспективного восприятия поэтического текста при явном доминировании проспективной рецепции, что обусловлено особенностями психологии восприятия. С этим связаны настоятельные рекомендации В. Брюсова, А. Белого, А. Блока и др. читать их книги стихов как целостный текст – от начала до конца. Это вовсе не значит, что ретроспективное восприятие играет второстепенную роль в семантизации цикла. Напротив, осмысление больших дискретных текстовых массивов, каковыми является сверхтекстовое единство, невозможно без актуализации в

читательском сознании «обратных связей», благодаря чему упорядоченное множество текстов воспринимается как целостное единство.

5. СВЕРХТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО – ЭТО **ВЗАИМОСВЯЗАННОЕ** МНОЖЕСТВО ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.

Выше мы говорили о том, что одним из основополагающих характеристик всякого текста является его связность. Естественно, что сверхтекстовое единство как текст ("сверхтекст", "супертекст"), состоящий из определенного количества других (меньших по объему) текстов, также обладает этим параметром. Другое дело, что связность сверхтекстового единства не тождественна связности отдельного (поэтического) текста, или, вернее, механизмы межтекстовых связей отличаются от механизмов связей внутритекстовых. Принципиальное различие этих механизмов – на самом общем уровне – заключается в том, что внутритекстовая связность обеспечивается, главным образом, *синтагматическим* характером развертывания текста. Межтекстовые связи в сверхтекстовом единстве представляют собой единство *синтагматического* и *парадигматического* развертывания. Как частный случай синтагматичности можно рассматривать пространственную ориентацию отдельного поэтического текста в цикле, а также (связанную с ней) временную его характеристику, обусловленную особенностями проспективного восприятия. Как полагает В.А. Сапогов, существенной особенностью парадигматического развертывания текста является разрушение в лирическом цикле сюжета в его классическом понимании, что, собственно, и явилось одной из предпосылок возникновения этой новой жанровой формы от процесса разрушения генетически связанной с ней лирической поэмы (Сапогов, 1975, стлб. 1156).

Парадигматическое развертывание сверхтекстового единства осуществляется благодаря наличию разноуровневых межтекстовых повторов, что обеспечивает возникновение структурообразующих связей между текстами. Это повторяемость определенных (преимущественно – ключевых) образов, тем, идей и т.д. в двух и более текстах. Причем необходимо отметить, что тот или иной образ (тема, идея и т.д.), повторяющийся в другом тексте, представляет собой семантическую модификацию в том смысле, что один и тот же образ в двух сопряженных текстах не равен себе. Повторяющиеся образы представляют собой динамическую систему, и развитие каждого повторяющегося образа можно выявить при контекстном анализе его во всех текстах сверхтекстового единства, где он представлен явно или содержится имплицитно.

Парадигматическое развертывание предопределяет возникновение семантического напряжения между текстами, в результате которого порождаются новые смыслы, не выводимые из семантической системы каждого отдельного поэтического текста.

6. СВЕРХТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО – ЭТО МНОЖЕСТВО **ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИХ** ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.

Из изложенного в предыдущем пункте становится ясно, что взаимосвязанность текстов является важнейшим параметром сверхтекстового единства.

ва. Однако здесь возникают некоторые проблемы, которые необходимо оговорить. Оказывается, что взаимосвязанность текстов, обеспечиваемая разнообразными формами межтекстового повтора, включает в себе еще и существенную опасность. Исходит эта опасность, как это ни странно, от самих межтекстовых повторов. Дело в том, что чрезмерное количество их может привести к ситуации, когда два текста, связанные друг с другом множеством разноуровневых повторов, становятся настолько схожими друг с другом, что, по сути, являются идентичными. А это, в свою очередь, означает, что один из этих двух текстов просто-напросто лишний. Поэтому прием следующее допущение: взаимосвязанность текстов является *необходимым, но не достаточным* структурообразующим фактором для возникновения сверткестового единства. Для того чтобы некоторое множество текстов образовало смысловое единство и целостность, необходимо наличие еще одного фактора – взаимной *дополнительности*.

В научной парадигме XX-XXI веков концепт *дополнительность*, выдвинутый Нильсом Бором, стал общенаучным методологическим принципом и получил редкую для естественнонаучного термина популярность, в том числе и в далеких от физики дисциплинах.

При изучении явлений субатомного уровня была обнаружена странная особенность объектов микромира: выяснилось, что элементарные частицы имеют двоякую сущность, причем сущности эти диаметрально противоположны. Возникла парадоксальная ситуация, необъяснимая с точки зрения классической физики, когда «обе картины ... исключают друг друга, так как определенный предмет не может в одно и то же время быть и частицей (то есть субстанцией, ограниченной в малом объеме) и волной (то есть полем, распространяющимся в большом объеме)» (Гейзенберг, 1989, с.22).

В поисках разрешения возникшей корпускулярно-волновой коллизии Нильс Бор пришел к обоснованию принципа *дополнительности*, суть которого заключается в том, что для адекватного описания микромира, необходимо привлечение двух взаимно дополняющих друг друга систем понятий. Тем самым принцип *дополнительности* устранил антиномию «корпускула – волна» и примирил эти две сущности в постулировании «корпускулярно-волнового дуализма».

Позже Н. Бор заметил, что постулированный им принцип *дополнительности* «работает» не только в узкоспециальной сфере квантовой физики, но имеет общенаучный смысл, позволяющий интерпретировать антиномичные по сути явления в разных областях естественнонаучного и гуманитарного знания, таких как биология, психология, этнография и др. (Бор, 1971, сс.280-288), а в статье «Единство знаний» он обратился и к вовсе далеким от квантовой физики дисциплинам – к искусствоведению и литературоведению (Там же, сс.481-496).

Кажется, первым из литературоведов, кто непосредственно обратился к принципу *дополнительности* Н. Бора в сфере литературоведческих дисциплин, был Д.С. Лихачев, который в одной из поздних своих статей наметил перспективы применения этого положения к проблемам литературоведения. Автор исходит из того факта, что интерпретация художественного произведения в существенной мере определяется той научной мето-

дологией, с которой подходит исследователь к рассматриваемому тексту. Одно и то же произведение будет по-разному истолковано исследователем-марксистом, формалистом, компаративистом, текстологом и пр. Так, «литература, рассматриваемая ученым-марксистом с позиций классовой борьбы, – совсем не та литература, которая существует независимо от ее читателя, и совсем не та, на которую рассчитывали, создавая свои произведения, писатели» (Лихачев, 1999, сс.39-41). И здесь Лихачев приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: «ученый-литературовед – главный "разрушитель" литературы». Далее он развивает свою мысль: «Говоря о литературоведческих картинах литературы с точки зрения теории наблюдения, мы должны отметить, что наиболее "разрушительными" для литературы являются те, в которых наиболее сказываются тенденции научного "редукционизма", т.е. попыток сведения сложного к простому, элементарному. В этом отношении редукционизм марксизма в литературоведении превосходит все остальные подходы».

Преодоление редукционизма отдельной научной методологии возможно при реализации «принципа дополнительности», который, с точки зрения Лихачева, «заключается в дополнительности закономерности, обусловленности, с одной стороны, и свободы творца – с другой, свободы как некоей необъяснимости. Ибо как только мы начинаем объяснять, наблюдатель-литературовед неизбежно вторгается в литературу и упрощает ее согласно своим научным установкам». Выход из этой ситуации видится автору в том, чтобы «рядом с естественным для науки выявлением однородных явлений и расчленением на них литературы, литературного процесса необходим и "дополнительный" процесс восстановления целостности изучаемых явлений» (Там же, сс.41-42).

С точки зрения рассматриваемых нами проблем взаимодополнительность представляет собой такое межтекстовое взаимодействие, при котором образы (а также темы, идеи и пр.), представленные в одном тексте, претерпевают определенные изменения в другом. Изменения эти могут быть самыми разнообразными: от дальнейшего развития образа в той же смысловой перспективе до представления его в ином – и даже противоположном – концептуально-эмоциональном аспекте. Очевидно, что взаимодополнительность не является имманентно присущим тексту качеством; она полностью обусловлена контекстом сверхтекстового единства. Именно контекст ставит поэтические тексты в отношении взаимной дополнительности, обеспечивая тем самым не только взаимосвязь поэтических текстов, но и их взаимную семантизацию, что, в свою очередь, обуславливает «возрастание смысла» сверхтекстового целого.

Эта уникальная смыслообразовательная потенция сверхтекстового единства как нельзя лучше соответствовала мировоззренческим установкам и поэтической практике символистов, так как взаимодополнительность поэтических текстов в пространстве сверхтекстового единства предоставляла поэтам исключительную возможность явного представления некоторого множества контекстов для разнонаправленных смысловых реализаций поэтического символа, «обладающего бесконечным множест-

вом значений» (Гофман, 1937, с.65).

Заключение

Представляя аксиоматику поэтических сверхтекстовых единств, мы выделили ряд ключевых параметров, характерных для венка сонетов, лирического цикла и книги стихов.

С нашей точки зрения, эти формы текстовой организации являются наиболее репрезентативными, хотя и не единственными разновидностями сверхтекстовых единств. Список этот можно было бы расширить и включить сюда, в частности, раздел в книге стихов, а также такие редкие в русской поэзии жанровые формы как глосса. Однако мы думаем, что глоссу вполне можно рассматривать в контексте венка сонетов, а раздел в книге стихов – как разновидность лирического цикла.

Экспликация понятия «поэтическое сверхтекстовое единство» методом постепенного развертывания семантики термина начиная с самых простых и очевидных характеристик до выявления более сложных смыслообразующих факторов позволяет достаточно полно и непротиворечиво описать наиболее существенные особенности предлагаемого нами интегративного понятия.

Если рассмотреть представленные параметры с более общей точки зрения как некоторую целостность, то несложно усмотреть в них признаки, характеризующие сверхтекстовое единство как систему. Исходя из этого, мы полагаем, что исследование сверхтекстовых единств в терминах теории систем, а также интенсивно развивающейся синергетики может открыть новые и интересные аспекты изучения разных форм сверхтекстовой организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бор, Н., 1971. *Избранные научные труды*. Т. 2. Москва: Наука.
- Веселова, Н.А., 1998. *Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика*. URL: <http://www.dissercat.com/content/zaglavie-literaturno-khudozhestvennogo-teksta-antologiya-i-poetika> [дата обращения: 14.08.2021].
- Гейзенберг, В., 1989. Физика и философия. В кн.: Гейзенберг В. *Физика и философия. Часть и целое*. Москва: Наука.
- Гофман, В.А., 1937. Язык символистов. В кн.: *Литературное наследство*. Т. 27/28. Москва: Гослитиздат, сс. 54-105.
- Гринев-Гриневиц, С.В., 2008. *Терминоведение*. Москва: Академия.
- Дарвин, М.Н., 1983. *Проблема цикла в изучении лирики*. Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного ун-та.
- Кржижановский, С.Д., 1931. *Поэтика заглавий*. Москва: Никитинские субботники.
- Купина, Н.А. и Битенская, Г.В., 1994. Сверхтекст и его разновидности. Н. А. Купина, Т. В. Матвеева, ред. *Человек – Текст – Культура: коллективная монография*. Екатеринбург: ИРРО, сс. 214-233.
- Лейчик, В.М., 2009. *Терминоведение: Предмет, методы, структура*. Изд. 4-е. Москва: Либроком.

- Лихачев, Д.С., 1999. «Принцип дополнительности» в изучении литературы. В кн.: Лихачев Д.С. *Очерки по философии художественного творчества*. – Санкт-Петербург: Блиц, сс. 39-41.
- Лосев, А.Ф., 1976. *Проблема символа и реалистическое искусство*. Москва: Искусство.
- Лосев, А.Ф., 1993. Вещь и имя. В кн.: Лосев А.Ф. *Бытие – имя – космос*. – Москва: Мысль, с.802-880.
- Лошаков, А.Г., 2008. *Сверхтекст: семантика, прагматика, типология*: автореф. дис. ... д-ра филол.наук. Киров.
- Меднис, Н.Е., 2003. *Сверхтексты в русской литературе*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического ун-та.
- Сапогов, В.А., 1975. Цикл. В кн.: *Краткая литературная энциклопедия. Т. 8*. - Москва: Советская энциклопедия.
- Топоров, В.Н., 1995. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». (Введение в тему). В кн.: Топоров В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное*. – Москва: Прогресс - Культура, с.259-367.
- Тюпа, В.И., 2009. *Анализ художественного текста*. - Москва: Издательский центр «Академия», с.252-253.
- Фоменко, И.В., 1979. Лирический цикл как метатекст. В кн.: *Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов. Межвузовский тематический сборник*. Калинин: Изд-во Калининского государственного ун-та.
- Фоменко, И.В., 1984. *О поэтике лирического цикла*. Калинин: Изд-во Калининского государственного ун-та.
- Фоменко, И.В., 2006. *Практическая поэтика*. Москва: Академия.

REFERENCES

- Bohr, N., 1971. *Izbrannyye nauchnyye trudy. T. 2.* [Selected scientific works. Vol. 2.]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Veselova, N.A., 1998. *Zaglavie literaturno-khudozhestvennogo teksta: ontologiya i poetika* [The title of a literary text: ontology and poetics] Available at: <http://www.dissercat.com/content/zaglavie-literaturno-khudozhestvennogo-teksta-antologiya-i-poetika> [Accessed 14 August 2021] (in Russian).
- Heisenberg, W., 1989. *Fizika i filosofiya* [Physics and Philosophy]. In: Heisenberg, W. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe* [Physics and Philosophy. The Part and the Whole]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Gofman, V.A., 1937. *Yazyk simbolistov* [The language of the Symbolists]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 27/28* [Literary heritage. Vol. 27/28]. Moscow: Goslitizdat Publ., pp. 54-105. (in Russian).
- Grinev-Grinevich, S.V., 2008. *Terminovedenie* [Terminology] Moscow: Akademiya Publ. (in Russian).
- Darvin, M.N., 1983. *Problema tsikla v izuchenii liriki* [The problem of the cycle in the study of lyrics]. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Publ. (in Russian).
- Krzhizhanovskiy, S.D., 1931. *Poetika zaglaviy* [Poetics of titles]. Moscow: Nikitinskiye subbotniki Publ. (in Russian).
- Kupina, N.A. and Bitenskaya, G.V., 1994. *Sverkhtekst i ego raznovidnosti* [Supertext and its types]. N. A. Kupina, T. V. Matveeva, ed. *Chelovek – Tekst* –

Kul'tura: kollektivnaya monografiya [Man – Text – Culture: collective monograph]. Ekaterinburg: IRRO Publ., pp. 214-233. (in Russian).

Leychik, V.M., 2009. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology: Subject, methods, structure]. 4th ed. Moscow: Librokom Publ. (in Russian).

Likhachev, D.S., 1999. «Printsip dopolnitel'nosti» v izuchenii literatury ["The principle of complementarity" in the study of literature]. In: Likhachev D.S. Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva [Essays on the Philosophy of Artistic Creativity]. Saint Petersburg: Blits Publ., pp. 39-41. (in Russian).

Losev, A.F., 1976. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The symbol problem and realistic art]. Moscow: Iskusstvo Publ. (in Russian).

Losev, A.F., 1993. Veshch' i imya [Thing and Name]. In: Losev A.F. Bytie – imya – kosmos [Being – name – cosmos]. Moscow: Mysl' Publ., pp.802-880. (in Russian).

Loshakov, A.G., 2008. Sverkhtekst: semantika, pragmatika, tipologiya [Supertext: semantics, pragmatics, typology]: Dissertation abstract for the degree of Doctor of Philology. Kirov. (in Russian).

Mednis, N.E., 2003. Sverkhteksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Univ. Publ. (in Russian).

Sapogov, V.A., 1975. Tsikl [Cycle]. In: Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. T. 8. [Brief Literary Encyclopedia. Vol. 8.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (in Russian).

Toporov, V.N., 1995. Peterburg i «Peterburgskiy tekst russkoy literatury». (Vvedenie v temu) [Petersburg and "The Petersburg text of Russian literature". (Introduction to the subject)]. In: Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoietic. Selected articles]. Moscow: Progress - Kul'tura Publ., pp.259-367. (in Russian).

Tyupa, V.I., 2009. Analiz khudozhestvennogo teksta [Literary text analysis]. Moscow: Akademiya Publ., pp.252-253. (in Russian).

Fomenko, I.V., 1979. Liricheskii tsikl kak metatekst [Lyric cycle as metatext]. In: Lingvisticheskie aspekty issledovaniya literaturno-khudozhestvennykh tekstov [Linguistic aspects of the study of literary texts.] Kalinin: Kalinin State Univ. Publ. (in Russian).

Fomenko, I.V., 1984. O poetike liricheskogo tsikla [On the poetics of the lyrical cycle]. Kalinin: Kalinin State Univ. Publ. (in Russian).

Fomenko, I.V., 2006. Prakticheskaya poetika [Practical poetics]. Moscow: Akademiya Publ. (in Russian).

ԼԵՎՈՆ ՀԱՎՈՐՅԱՆ – Բանաստեղծական գերտեքստային միասնությունների արսիմաստիկա – Հոդվածում հիմնավորվում է «բանաստեղծական գերտեքստային միասնություն» հեղինակային եզրույթը՝ նշելու համար ինտեգրատիվ մի հասկացություն, որը միավորում է բանաստեղծական տեքստերի կազմակերպման այնպիսի ձևեր, ինչպիսիք են սոնետների պսակը, քնարական շարքը և բանաստեղծությունների զիրքը:

Առաջին հերթին բացատրվում է այս եզրույթի սկզբունքային տարբերությունը հարակից «գերտեքստ» հասկացությունից, որը նշանակում է տարբեր հեղինակների կողմից տարբեր ժամանակներում ստեղծված թեմատիկ առնչություն ունեցող տեքստերի ամբողջություն:

«Գերտեքստային միասնություն» հասկացության բացահայտման համար

օգտագործվում է եզրույթի իմաստը քայլ առ քայլ ընդլայնելու մեթոդը: Ներկայացված և մանրամասն ուսումնասիրված են գերտեքստային միասնության հիմնական չափանիշները, որոնք բնորոշ են բանաստեղծական տեքստերի համադրման նշված ձևերից յուրաքանչյուրին:

Նախնական ուսումնասիրությունը հնարավորություն տվեց բացահայտելու գերտեքստային միասնության ամենակարևոր չափանիշները: Դրանք կայուն են, թեև տարբեր ինտենսիվությամբ են հանդես գալիս սոնետների պսակում, քնարական շարքում և բանաստեղծությունների գրքում: Այդ չափանիշներն են՝ տեքստերի փակ բազմությունը, ընդհանուր վերնագրի առկայությունը, կարգավորվածությունը, փոխկապակցվածությունը, փոխլրացումը:

Վերջին երեք չափանիշները պայմանավորում են գերտեքստային միասնության կապակցվածությունը, որը տարբերվում է ներտեքստայինից: Ներտեքստային կապակցվածությունն ապահովվում է գլխավորապես տեքստի շարույթային ընդլայնմամբ: Միջտեքստային կապերը դրսևորվում են հիմնականում գերտեքստային միասնության բաղադրիչների իմաստային համակարգերի հարացուցային համադրության և հակադրության մեջ՝ պայմանավորված բազմաստիճան միջտեքստային կրկնությունների առկայությամբ, որոնք ապահովում են տեքստերի միջև կառուցվածքային, ասոցիատիվ և այլ կապերի առաջացումը: Հարացուցային կապերը կանխորոշում են տեքստերի միջև իմաստային լարվածության առաջացումը, ինչի արդյունքում առաջանում են նոր իմաստներ, որոնք չեն կարող բխել յուրաքանչյուր առանձին բանաստեղծական տեքստի իմաստային համակարգից:

Բանալի բառեր – *բանաստեղծական գերտեքստային միասնություն, սոնետների պսակ, քնարական շարք, բանաստեղծությունների գիրք, չափանիշներ, կարգավորվածություն, փոխկապակցվածություն, փոխլրացում*

**УСТОЙЧИВЫЕ КОННОТАЦИИ МИФОПОЭТИКИ БЕЛОГО
ЦВЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА:
ОТ «СТИХОВ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ» К «ДВЕНАДЦАТИ»****ЭДГАР АРШАКЯН**

В обширной литературе, посвященной поэме А. Блока «Двенадцать», связь символики финального образа Христа с мифопоэтикой «Стихов о Прекрасной Даме» занимает положение периферийное, несмотря на то что многие черты мифопоэтики позднего Блока формируются в «Стихах о Прекрасной Даме» или в определенном соотношении с ними. В настоящей статье рассматривается генезис мифопоэтики белого цвета в ранней лирике Блока в контексте актуальных для финала «Двенадцати» коннотаций, которые формируются не без влияния идей Андрея Белого. На процесс формирования мифопоэтической семантики белого цвета в ранней лирике Блока значительное влияние оказывает его знакомство с мистической интерпретацией цветовой символики А. Белого и обсуждение данной темы в ранней переписке двух поэтов. Правда, в художественном сознании Блока идеи Белого получают определенное преломление. С точки зрения мифопоэтики белого цвета в статье проанализированы опубликованный в 1904 году в альманахе «Гриф» блоковский цикл из 15 стихотворений, книга «Стихи о России» (1915), а также финал поэмы «Двенадцать» (1918). Особое внимание уделено композиционным особенностям рассматриваемых произведений. Проведенный анализ показывает, что в названных произведениях актуальные коннотации мифопоэтики белого цвета связаны с диалектической триадой и идеей синтеза, а также с мотивами любви и верности, отсылающими к библейскому контексту.

Ключевые слова: *А. Блок, А. Белый, «Стихи о Прекрасной Даме», «Стихи о России», «Двенадцать», образ Христа, мифопоэтика белого цвета, мотив любви*

**STABLE CONNOTATIONS OF MYTHOPOETICS OF WHITE
COLOR IN A. BLOK'S WORKS: FROM «VERSES ABOUT THE
BEAUTIFUL LADY» TO «THE TWELVE»****EDGAR ARSHAKYAN**

The connection between the symbolism of the final image of Christ and the mythopoetics of the “Verses about the Beautiful Lady” occupies a peripheral position in the extensive literature devoted to A. Blok's poem “The Twelve”, despite the fact that many mythopoetic features in Blok's late lyrics were formed in “Verses about the Beautiful Lady” or in certain correlation to them. The article observes the genesis of mythopoetic concept of white color in Blok's early lyrics in the context of connotations relevant to the finale of “The Twelve”, which were formed under the influence of Andrey Bely's ideas. The formation of the mythopoetic semantics of white color in Blok's early lyrics was significantly influenced by the mystical interpretation of the color symbolism by A. Bely and the discussion of the subject in the early correspondence of the two poets. However, Bely's ideas underwent certain refraction in the Blok's artistic consciousness. The cycle 15 poems by Blok published in 1904 in the almanac “Grif”, his book “Poems about Russia” (1915) as well as the finale of the poem “The Twelve”

(1918) have been analyzed from the point of view of mythopoetic concept of white color. Special attention has been paid to the compositional features of the studied pieces. The analysis shows that the actual connotations of white color mythopoetics in these works are associated with the dialectical triad and the idea of synthesis, as well as with the motifs of love and fidelity, referring to the biblical context.

Keywords: *A. Blok, A. Bely, «Verses about the Beautiful Lady», «Poems about Russia», «The Twelve», the image of Christ, mythopoetics of white color, the motif of love*

Постановка проблемы

В «Воспоминаниях о Блоке» Андрей Белый пишет: «понять Блока – понять связь стихов о “Прекрасной Даме” с “Двенадцатью”»¹. (Белый, 1995а, с.105). Конечно, подобные формулировки во многом условны уже в силу своей афористичности. Следует, однако, признать, что в творческой эволюции Блока прослеживается интересная закономерность: каждое последующее произведение входит в своеобразное отношение «диалогичности» с предшествующим творчеством поэта, по-новому осмысляя весь творческий путь Блока².

В этом отношении ранняя лирика поэта – «Стихи о Прекрасной Даме» – занимает положение магистральное, поскольку многие черты мифопоэтики позднего Блока формируются в «Стихах о Прекрасной Даме» или в определенном соотношении с ними. В этом контексте обозначенная Белым установка представляется вполне оправданным при рассмотрении отдельных аспектов мифопоэтики «Двенадцати».

С этой точки зрения нас прежде всего интересует мифопоэтика «белого» Христа «Двенадцати» и те коннотации цветовой символики финального образа поэмы, которые, на наш взгляд, формируются уже в ранней лирике Блока. В обширной литературе о «Двенадцати» некоторые аспекты данной проблемы в той или иной мере затрагиваются. Тем не менее нельзя сказать, чтобы этот пласт принадлежал к числу достаточно изученных сторон поэмы.

В.Н. Орлов решительно отрицает значимость переключек «Двенадцати» с ранними произведениями Блока для понимания поэмы. Вместе с тем исследователь сам указывает на некоторую связь поэмы с предшествующим творчеством Блока, не касаясь, однако, «Стихов о Прекрасной Даме». (Орлов, 1967, с.124-129). В попытке И.С. Приходько в максимально возможной полноте восстановить источники, оказавшие влияние на образ Христа в финале поэмы, связь со «Стихами о Прекрасной Даме» занимает положение периферийное. (Приходько, 1991).

На интересующий нас аспект обращает внимание Л.К. Долгополов. Отмечая присущее Блоку уже с юности предчувствие мировых потрясений

¹ Кроме художественных текстов, полностью выделенных курсивом, в статье во всех цитатах курсив принадлежит цитируемому автору и в дальнейшем специально не оговаривается.

² В сущности, об этом пишет и Р.В. Иванов-Разумник, признавая в 1922 году ошибочность своей интерпретации блоковского творчества в более ранней статье «Роза и Крест (Поэзия Александра Блока)» (1913): «...совсем не понимал я тогда, с какого размера явлением стою лицом к лицу; понял я это лишь постепенно, и только в начале 1918 года – окончательно, когда “Двенадцать” и “Скифы” открыли мне свою связь и с “Куликовым полем”, и со “Стихами о Прекрасной Даме”». (Иванов-Разумник, 1923, с.236).

и напряженное ожидание, связанное с наступлением нового века, исследователь указывает на особую роль мотива движения от мрака к свету в идее разделов «Ante Lucem» (лат. Перед Светом) и «Стихи о Прекрасной Даме». Долгополов пишет: «Черное и белое – два главных цвета блоковской поэмы, и пришли они сюда из глубины его прежнего творческого опыта». (Долгополов, 1979, с.14).

В плане осмысления «Двенадцати» сквозь призму предшествующего художественного опыта Блока цветовую символику акцентирует К.М. Азадовский, указывая на восходящее к «Стихам о Прекрасной Даме» дуалистическое переплетение белого и красного. Цветовую символику финала «Двенадцати» Азадовский интерпретирует как воплощение нераздельной слитности двух противоположных начал (Космоса и Хаоса, Бога и Дьявола и т.д.), усматривая переплетение белого и красного цветов и в образе красновардейцев (белых от вьюги), и в образе Христа (в «белом венчике из роз»)³. Впрочем, «вьюжную белизну» красновардейцев, на наш взгляд, нельзя принимать безоговорочно. Да и семантика красного в «белом венчике из роз» довольно сомнительна.

С точки зрения мифопоэтики белого цвета этот атрибут блоковского Христа был интерпретирован Франсуазой Фламан. В своей небольшой заметке французская исследовательница также акцентирует не столько образ Христа, сколько цветовую символику образа. Комментируя предпоследний стих поэмы, Фламан связывает образ «белого венчика из роз» с формулировкой А. Белого («Христианство из розового должно стать белым»), в свете которой финальный образ поэмы трактуется как Христос Апокалипсиса (Flamant, 1966, сс.91-92). Основанием для подобной интерпретации служит дневниковая запись Блока, сделанная после прочтения в марте 1902 года рукописи статьи Белого, в которой мифопоэтика белого цвета сопрягается с христианской эсхатологией.

Примечательно, что дневниковые записи Блока как ключ к толкованию финального Христа «Двенадцати» рассматривается также С.Н. Доценко. Исследователь, однако, обращается только к поздним записям поэта, на основе которых приходит к противоположному выводу. Неопределенность блоковских записей относительно образа Христа рассматривается как следствие отсутствия у поэта в период написания «Двенадцати» определенной концепции, на основе чего Доценко говорит о фактической смысловой бессодержательности финального образа поэмы. (Доценко, 2019).

Нам кажется, что в обоих случаях при обращении к дневниковым за-

³ Определенная связь поэмы с предшествующим творчеством Блока неоднократно подчеркивается в интерпретациях финала «Двенадцати», представленных на организованном в 2000 году круглом столе, однако цветовую символику они не затрагивают. (Финал «Двенадцати», 2000, сс.190-206). Другие новейшие публикации, посвященные различным аспектам блоковской поэмы, интересующего нас вопроса в целом не касаются (Иванова, 2012, сс.140-167; Тахо-Годи, 2018; Грякалова, 2018; Доценко, 2019).

писям Блока недостаточно внимания уделяется процессу творческой эволюции поэта. С точки зрения нашей проблемы, естественно, больше интереса представляет наблюдение Фламан, затрагивающее цветовую символику. Мы, конечно, не склонны видеть в финале «Двенадцати» подобное теоретизирование («Христианство из розового должно стать белым»), вообще чуждое художественному сознанию Блока. Однако влияние идей Белого на формирование мифопоэтики белого цвета в раннем творчестве Блока в контексте интерпретации финала «Двенадцати», на наш взгляд, заслуживает пристального внимания.

В настоящей статье мы попытаемся проследить генезис актуальных для финала «Двенадцати» коннотаций мифопоэтики белого цвета, восходящих к эпохе «Стихов о Прекрасной Даме».

Мифопоэтика белого цвета в ранней лирике Блока и мистическая теория цветов А. Белого

Как отмечалось выше, в плане цветовой символики Христа «Двенадцати» особого внимания заслуживают идеи Белого, оказавшие определенное влияние на формирование мифопоэтики белого цвета в ранней лирике Блока. Небезынтересны в этом плане также отдельные переключки блоковского Христа с некоторыми образами из произведений Белого. Долгополов указывает на определенную соотнесенность блоковского Христа с образом призрака Христа в белом домино из «Петербурга» Белого (Долгополов, 1988, с.333). В комментарии к академическому изданию «Двенадцати» (Смола, 1999, с.380) отмечена также переключка с образами из циклов Белого «Вечный зов» и «Не тот» (редакция 1914 г.):

*Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.*
(«Вечный зов»). (Белый, 2006, 1, с.86).

*Он, как новый Христос,
Просиявший учитель веселья, –
В лепестках белых роз
С чашей странного зелья <...>*
(«Не тот»). (Белый, 1997, с.96).

Близкую образную систему имеет и ранняя редакция последнего стихотворения:

*Он – букет белых роз.
Чаша он мировинного зелья.
Он, как новый Христос,
просиявший учитель веселья.*
(Белый, 2006, 1, с.91).

В связи с финальным образом Христа «Двенадцати» остается нерассмотренным более схожий источник, в котором, как указывал Долгополов, уже просвечивают черты Христа «Петербурга» (Долгополов, 1988, с.93). Речь идет об образе из «Северной симфонии (1-й, героической)» Белого: *«И когда рассеялись последние остатки дыма и темноты, на горизонте встал знакомый и чуть-чуть грустный облик в мантии из снежного тумана и в венке из белых роз».* (Белый, 1991, с.79). Как было остроумно отмечено, «Блока в свое время восхитили “Симфонии”, и почти одного его они и восхитили». (Чубаров, 2013, с.198). Известно, что Блок написал рецензию на «Северную симфонию», включив в нее также процитированный нами фрагмент. (Белый – Блок, 2001, сс.112-113).

По-видимому, можно не без основания утверждать, что черты указанных выше образов в определенной степени отразились в Христе «Двенадцати». Литературные переключки в творчестве Блока и Белого, как и разные аспекты взаимовлияния двух поэтов, включая влияние «внетекстового» (жизненного) подтекста, неоднократно отмечались исследователями (Пильд, 1985; Ильёв, 1991; Пустыгина, 1993; Топоров, 1993; Топоров, 1999). Конечно, свести финальный образ «Двенадцати» к этим источникам – значит интерпретировать литературные переключки слишком прямолинейно. При всей близости различных аспектов творчества двух поэтов, связанных многими нитями: личными, мировоззренческими, творческими – источники эти остаются для Блока внешними. Сложный и многоаспектный процесс взаимовлияния и взаимных творческих импульсов двух крупных художников, естественно, не может обходиться без творческого переосмысления и трансформаций тех или иных идей и образов.

В этом контексте интересную проблему затрагивает в своей статье Д.М. Магомедова, обращая внимание на поэтику эпистолярного диалога символистов (Магомедова 1997а). Как важный и самобытный феномен художественной культуры русского символизма рассматривается переписка Блока и Белого. При этом ставится вопрос изучения переписки в свете общей проблемы символистского языка двух поэтов, поскольку, как показывает Магомедова, общность символистского языка Блока и Белого не просто отражена в переписке, но во многом вырабатывается в ней. Особо любопытна поставленная в статье проблема изучения «дистанцированных» (определение Магомедовой) творческих связей – образов и мотивов, связанных с ранним периодом взаимосвязей Блока и Белого, но отразившихся в позднем творчестве поэтов. Такой ракурс к рассмотрению переписки двух поэтов выявляет существенные для нашего анализа нюансы, которых мы коснемся ниже.

Обратимся теперь к упомянутому выше эпизоду знакомства Блока с рукописью Белого, послужившей импульсом к дальнейшему обсуждению мистической теории цветов в переписке поэтов. В марте 1902 года Блок получил от З.Н. Гиппиус письмо Белого, впоследствии опубликованное в извлечениях под заглавием «По поводу книги Д.С. Мережковского “Л.Толстой и Достоевский” (Отрывок из письма)» (Новый Путь, 1903. № 1). Ознакомившись с содержанием письма, Блок записал тезисы Белого. Приведем выдержку из блоковской дневниковой записи: «Христианство

из розового должно стать белым, Иоанновым («убелили одежды кровью Агнца», «белый всадник»), белые одежды, белый камень, белый престол, белоснежные серафимы, матушка ты наша белая – см. Записки Серафимо-Дивеевской обители). Белый цвет – соединение семи церквей, семи принципов, семи рек, текущих из рая в поток, скачущий в жизнь бесконечную, семи светильников; соединение семи чувств (осозания, обоняния, вкуса, слуха, зрения, ясновидения – шестое открывающееся чувство, интуиции) Соединение голосов семи громов, снятие семи печатей; это – наше христианство» (Блок, 1989, с.44-45).

Через несколько дней Блок делает новую запись: «А не будет ли знаменем некоего “конца”, если начну переписку с Бугаевым? Об этом очень нужно подумать. А пока еще раз ИЗУЧИТЬ длинное письмо Бугаева о синтезе цветов, любви, рассудка, чувств» (Блок, 1989, с.45). Инициативу эту Блок отложил, написав свое первое письмо Белому 3 января 1903 года, после прочтения другой статьи Белого («Формы искусства»). В этом письме Блок снова возвращается к заинтересовавшей его теме: «В прошлом году я читал Ваше письмо к Зин<аиде> Ник<олаевне> Гипсиус с подписью “студент-естественник”. Теперь оно, кажется, в Нов<ом> Пути, но я не видел журнала. В этом письме все белое, целый свод апокалипсической белизны. В “Формах искусства” Вы замолчали ее». (Белый – Блок, 2001, с.16).

Мистические построения цветовой символики Белого интенсивно обсуждаются в ранней переписке поэтов (первая половина 1903 года). Белый здесь развивает свои идеи, пытаясь истолковать своему корреспонденту мистику цветовой символики: «Белый цвет – символ богочеловечества. Белый сверкнувший луч мистического солнца, условие необходимое для восприятия божественного “видения”. Отсутствие “белого” – противоположное (черное). Цвет ужаса – черный. Ужас, воплощенный в бытие (в белое) = серое. Серая пыль – ужас; и тут чрезвычайно глубок Мережковский⁴. Со времен грехопадения между белым лучом и нами – серая пыль, а белое сиянье, засеренное пылью, дает подобие красного цвета. Огненно-красное – это обман, это – отношение серого к сверкающей белизне и обратно. Вот что открывает ряд видений. И это – так. Красное не безусловно, а феноменально, относительно». (Белый – Блок, 2001, с.43).

Несомненно, в ранней лирике Блока мифопоэтика белого цвета обнаруживает определенное влияние идей Белого. Абсолютизировать это влияние, разумеется, не следует. В мифе о Прекрасной Даме символика белого приобретает исключительное значение, но появляется она уже в стихотворениях 1901 года⁵, то есть еще до знакомства поэта с упомянутыми положениями Белого. Это, конечно, не случайно, так как мифопоэтика белого цвета, разрабатываемая в творчестве Блока и Белого, во многом восходит к поэзии Вл. Соловьева («Песня о фифов», «Белые колокольчики», «Вновь

⁴ Семантику серого цвета Мережковский затрагивал в своей книге о Гоголе, которая тогда печаталась в «Новом Пути» (1903. №№ 1–3).

⁵ Ср., например, стихотворения «Душа молчит. В холодном небе...», «Ныне, полный блаженства...», «Она росла за дальними горами...», «Видно дни золотые пришли...», «Ранний час. В пути незрима...», «Я долго ждал – ты вышла поздно...».

белые колокольчики» и др.). Однако после знакомства с идеями Белого мифопоэтика белого цвета разрабатывается Блоком интенсивнее и, как нам кажется, приобретает новые коннотации, которые мы попытаемся раскрыть в ходе нашего анализа.

Особого внимания заслуживает письмо, в котором Блок, обобщая положения Белого относительно мистики цветов и форм искусства, пытается уяснить свое понимание этих построений. Обратимся к соответствующему фрагменту: «Третья и последняя зона, перед которой Вы пока смолкли (в письме), сколько я понимаю, вводит в последнюю мистическую область, я сказал бы, – в область *субстанции*, в противоположность содержанию и форме вместе, их синтез, коренным образом претворяющий то и другую. Нечто “новое”, “белое”, – в противоположность тем двум – одно, слитное, а не раздробленное. Это – сфера Познанной Девы. То, что двойтся (может быть, десятируется!) в форме и двойтся в содержании – оказалось единым. Таким образом, у Вас, очевидно, трихотомия (опять-таки), в которой последний член составляет внемирную сущность. Ваш “синтез” занимает место “вверху”, представляет чистый нумен. Все это, сильно опошляя упрощениями, я пишу только для того, чтобы Вы могли судить, понял ли я только схему Вашей системы, вообще трудной для понимания, требующей читателя проникновенного, который “имеет уши”, которому чудилось» (Белый – Блок, 2001, с.30).

Данный фрагмент включает важнейшие для художественного мышления Блока категории (триада, синтез), актуальные для всего творчества поэта. Он также показывает, что мифопоэтика цветов Белого, бесспорно повлиявшая на Блока, в художественном сознании последнего принимала несколько иные акценты.

В связи с этим следует обратить внимание на одно стихотворение, опубликованное в 1904 году в альманахе «Гриф». Посылая подборку стихотворений для публикации в «Гриф», Блок писал С.А. Соколову: «Если найдете возможным, сохраните и при выборе тот самый порядок, который я обозначил нумерацией. Мне хотелось бы дать гамму разнородных предчувствий (1–6), слившуюся в холодный личный ужас (7–13), разрешенную *лишь вполнину* предгрозовой духотой (14) и *вполне* – на рассвете, в отзвуках, в отблесках уходящих туч (15). Потому, между прочим, мне бы очень хотелось видеть в «Гриф» последнее стихотворение (15-ое), относительно же остальных очень прошу Вас известить меня, – какие Вы найдете возможным напечатать» (Блок, 1980, сс.528-529).

В альманахе «Гриф» было опубликовано 16 стихотворений поэта – 15 подобранных Блоком стихотворений в составе цикла (без заглавия) с сохранением авторской композиции и одно стихотворение отдельно («Темная, бледно-зеленая...»). Очевидно, что структуру своего цикла Блок своеобразно проецирует на диалектическую триаду (14-ый текст, примыкающая к 15-ому, самостоятельным структурным значением не обладает), в которой последнему тексту отводится роль синтеза («*разрешение вполне*»).

Мы обратили на это внимание, поскольку последнее стихотворение цикла имеет принципиальное значение для нашей темы:

*Вот они – белые звуки
Девственно-горных селений...
Девушки бледные руки,
Белые сказки забвений...*

*Медленно шла от вечерни,
Полная думы вчерашней...
У колокольни вечерней
Таяли белые башни...*

*Белые башни уплыли,
Небо горит на рассвете.
Песню цветы разбудили –
Песню о белом расцвете...
(Блок, 1904, с.26).*

Идея синтеза, реализованная согласно замыслу Блока в последнем тексте цикла, находит свое выражение в мифопоэтике белого цвета, полностью пронизывающего стихотворение.

Отметим сначала, что стихотворение написано 5 апреля 1903 года, в период интенсивного обсуждения в переписке с Белым его теории цветов и получения Блоком рукописи еще одной статьи Белого («О религиозных переживаниях»), которая также разрабатывала мистическую семантику цветов. В письме от 20 марта 1903 года Блок просил оставить у себя рукопись этой статьи, непринятой редакцией «Нового пути»: «Перцов нашел статью “О религиозных переживаниях” непонятной и не хочет ее печатать. Отдал мне, чтобы я переслал Вам. Если Вам нужно, я немедленно пришлю, но пока оставляю у себя. Приятно бы ее иметь, как необходимое дополнение к Вашему письму о “цветах”» (Белый – Блок, 2001, с.54)⁶.

Очевидно, что в приведенном стихотворении отразилось влияние обсуждения данной темы в переписке поэтов. Правда, в отличие от апокалиптических построений Белого, мифопоэтика белого цвета у Блока полностью отнесена к миру Прекрасной Дамы, поскольку, как отмечалось выше, идеи Белого в художественном сознании Блока подверглись определенному преломлению. В соответствии с этим у Блока значимым оказывается также своеобразно осмысленная мифопоэтика «белой любви», восходящей к упомянутым выше дневниковым записям 1902 года: «“Безмирность” любви, аскетизм любви, любви Иоанновой (I послание Св. Иоанна), белой, не является ли высшей формой всякой любви (социальной, личной, половой и т.д.)?» (Блок, 1989, с.44). Подобная сакрализация любви вполне соответствует духу мистического культа Прекрасной Дамы. Нам важно отметить, что в данном случае библейский контекст идеи высшей формы любви отсылает к 1-му посланием Иоанна, поскольку этот контекст обнаружит свою актуальность и для позднего Блока.

Вернемся теперь к вопросу мифопоэтики белого цвета с точки зрения

⁶ Примечательно, что статья впервые опубликована только в 1995 году по сохранившейся в архиве Блока рукописи. (Белый, 1995b).

структурной составляющей цикла и общей проблемы циклизации. Известно, что лирическая циклизация становится одним из ключевых элементов поэтики символизма. Важнейшим требованием к организации поэтического цикла и книги стихов становится структурное единство композиции. В предисловии к «Urbi et Orbi» Брюсов писал: «Книга стихов должна быть не случайным *сборником* разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает своё содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связанного рассуждения» (Брюсов, 1990, с.77).

Неслучайно, что в свое время П.Н. Берков в числе узловых проблем изучения творчества Брюсова указывал на важность рассмотрения каждой отдельной книги поэта как целостного произведения «в котором все, начиная с названия и эпиграфа и включая названия, эпиграфы и последовательность отдельных стихотворений в циклах и циклов в книге, служит раскрытию авторской идеи, раскрытию именно данного целостного труда». (Берков, 1963, с.30).

Этот аспект поэтики символизма, в принципе актуальный для всех его представителей, в творчестве Блока играет особую роль. Как отмечает Л.Я. Гинзбург, «циклизация Блока, сплавающая воедино три тома его стихов, – явление в мировой литературе уникальное». (Гинзбург, 1964, сс.270-271).

Правда, Гинзбург, как и многих исследователей, больше интересует «сплошная циклизация», ставшая организующим началом «лирической трилогии» Блока. Нас в данном случае интересует циклизация отдельных свертхтекстовых единств (термин Л.Г. Акопяна), поскольку, как мы убедились выше, важная в плане мифопоэтики «первого тома» символика белого цвета с точки зрения структурной организации свертхтекстового единства обнаруживает новые коннотации. В этом отношении заслуживает внимания более поздняя книга Блока «Стихи о России» (1915). Попытаемся раскрыть мифопоэтическую семантику белого цвета в контексте композиционной идеи книги.

Символ белого знамени в «Стихах о России»: актуальные подтексты

Рассматривая историю формирования раздела «Родина», И.С. Правдина (1985) отмечает, что в «Стихах о России» Блок стремился представить тему родины полнее и всестороннее, не включив в книгу наиболее «личностные» стихи. Вместе с тем Правдина делает предположение о возможных внешних факторах, повлиявших на композицию «Стихов о России», учитывая оборонческую позицию издательства «Отечество», которым было осуществлено издание книги. Поскольку нас интересует мотивно-образная система финального текста «Стихов о России» в контексте общей композиционной идеи книги, уяснение этого вопроса представляет принципиальную важность для дальнейшего анализа. Мы позволим себе несколько подробно коснуться его.

В качестве подтверждения существующего между поэтом и издательством разногласия, повлиявшего, по мнению Правдиной, на композицию

книги, исследовательница указывает на дарственную надпись Блока Ал. Н. Чеботаревской: «Александре Николаевне – эта книжка, изданная в безвременье, неизвестно кем и неизвестно зачем, – с благодарностью за дружбу и за перенесение разных неприятностей, с изданием этой книжки связанных, и на память о разговорах о разных отечественных и “отечественных” вопросах, по телефону веденных» (Максимов, 1964, с.550).

Исходя из блоковской надписи, Правдина приходит к достаточно спорному, на наш взгляд, выводу: «В сборнике “Стихи о России” последние стихотворения расположены в следующем порядке: “Рожденные в года глухие”, “Праздник радостный, праздник великий” (“Новая Америка”), “Грешить бесстыдно, непробудно”, “Петроградское небо мутилось дождем”, “Последнее напутствие”, “Я не предал белое знамя”. Хронология не соблюдена, видна общая тенденция к сглаживанию противоречий, к просветлению “грешного”, “темного” начала, – сборник заканчивается образом Вифлеемской звезды над полями сражений» (Правдина, 1985, с.28).

Образная структура последнего стихотворения, действительно, несет в себе некое просветляющее начало. Мы, однако, не видим никакого основания говорить в связи с этим о возможном идейном компромиссе Блока при издании книги, тема которой была столь значима для поэта. При публикации приведенной дарственной надписи Д.Е. Максимов, как нам кажется, дал исчерпывающее объяснение, трактуя ее как свидетельство постепенной перемены блоковского отношения к войне и к позиции издательства. (Максимов, 1964, сс.550-551). С предположением Правдиной не согласуется и сделанное исследовательницей вполне справедливое замечание относительно общей установки Блока на полное и всестороннее представление темы в «Стихах о России». «Объективный» характер книги, свидетельствующий об определенном замысле поэта, скорее указывает на тщательный авторский отбор стихов и особое внимание к композиции небольшой книги. Напомним, что вместе с циклом «На поле Куликовом» в книге всего 25 стихотворений, что больше сближает ее с поэтическим циклом.

Кроме того, на тщательную авторскую организацию композиции книги указывают конкретные структурные элементы. Так, во-первых, трудно приписать внешним факторам то, что книга открывается именно программным циклом «На поле Куликовом». Во-вторых, вряд ли можно связать с внешними факторами заглавное написание слова *любовь* в последнем стихе последнего текста книги (снятое во всех остальных публикациях стихотворения), о чем речь пойдет ниже. Следует также заметить, что завершающий текст книги обнаруживает гораздо значимые подтексты, чем простой «оптимизм», выраженный образом Вифлеемской звезды. Этим, собственно, он и привлек наше внимание.

Наконец, не вполне обосновано само положение о несоблюдении хронологического принципа в расположении последних стихотворений книги. Композицию «Стихов о России», как, впрочем, и композицию предыдущих книг («Стихи о Прекрасной Даме» 1905, «Нечаянная радость» 1907 и др.), Блок не строит по хронологическому принципу. Так, в «Стихах о России» за программным циклом «На поле Куликовом» (1908) следуют стихотворения «Я живу в отдаленном скиту» (1905), «Когда в листе сырой и ржавой»

(1907), «Русь» (1906), «Вот Он – Христос – в цепях и розах...» (1905) и т.д.

Мы полагаем, что композиционные особенности «Стихов о России» обусловлены иными факторами. В составе «канонической трилогии» нередко утрачиваются композиционно значимые элементы отдельных сверхтекстовых единств, структура которых во многом подчиняется, с одной стороны, избранному Блоком хронологическому принципу, с другой – архитектонике более крупного единства, каковым является «трилогия» в целом. С этой точки зрения рассмотрение отдельных книг и циклов позволяет раскрыть авторский замысел, относящийся ко времени составления данного сверхтекстового единства. Как показывают исследования, посвященные анализу отдельных книг Блока, их последующая рециркуляция может сопровождаться серьезными смысловыми трансформациями⁷. (Магомедова, 1997b; Сугай, 2011).

Решив вопрос относительно авторской организации композиции «Стихов о России», перейдем к рассмотрению финального стихотворения книги, которая открывается циклом «На поле Куликовом» и заканчивается стихотворением «Я не предал белое знамя...». Приведем стихотворение:

*Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой – одни у валов.*

*Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.*

*Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.*

*А вблизи – все пусто и нemo,
В смертном сне – враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как Любовь моя.*

(Блок, 1915, с.43).

Особый интерес представляет образ белого знамени, который, во-первых, важен в плане интересующей нас цветовой символики, во-вторых, является, пожалуй, ключевым символом стихотворения, генерирующим множество актуальных подтекстов.

Обратим внимание, что символ этот отсылает к атрибутике цикла «На поле Куликовом», соотнося стихотворение с образным миром цикла. Об-

⁷ В этом отношении достаточно показательным является стихотворение «Вот они – белые звуки», которому Блок в свое время придавал особое значение, впоследствии не вошло в состав «лирической трилогии».

раз знамени, фигурирующий в первом тексте книги, возникает в финальном стихотворении, получая цветное обозначение:

<...> *Я не предал белое знамя,
В степном дыму блеснет святое знамя* *Оглушенный криком врагов <...>*
И ханской сабли сталь... (Блок, 1915, с.43).
(Блок, 1915, с.5).

При соотнесении образной структуры стихотворения с ближайшим контекстом – художественным миром «Стихов о России» – мотивы любви и верности также связываются с женственным образом России:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, –
Как слезы первая любви!*
(Блок, 1915, с.27).

Вместе с тем, как неоднократно отмечалось в литературе о Блоке, в лирике «третьего тома» образы лирического «я» и «ты» в определенной степени сохраняют семантику образной структуры «Стихов о Прекрасной Даме». Благодаря этому в поздней лирике Блока возникает отождествление образов лирической героини и России. Следует также обратить внимание на заглавное написание слова *любовь* в последнем стихе. Такое написание становится однозначной отсылкой к «первому тому». Значимость этой детали заключается в том, что в других публикациях заглавное написание снято, что еще раз подчеркивает особую семантику данного текста в финальной позиции книги стихов.

В плане актуализации семантического пласта «Стихов о Прекрасной Даме» особую роль в стихотворении играет символ белого знамени, соединяющий образный мир цикла «На поле Куликовом» и мифопоэтику ранней лирики Блока. Дело, однако, не в общем переплетении художественного мира «первого тома» с образной структурой «Стихов о России». Отсылка к теме мистической любви к Прекрасной Даме прослеживается и на другом, более специфичном уровне. Своеобразной отсылкой к ранней лирике поэта становится мотив верности, относящийся в первой строфе к образам лирического героя и героини («Я», «Ты», «Мы») и связанный непосредственно с символом белого знамени («*Я не предал белое знамя*»). Известно, что тема «*верности – измены*» идеалам юности Блока в свое время была предметом острой полемики и так или иначе вставала в контексте осмысления творческого пути поэта. Данная тема приобретает в творчестве Блока и более широкое значение, восходящее к новозаветному контексту⁸. Как показывает З.Г. Минц, мотив измены становится одной из важнейших линий развития темы утраты первой любви как утраты первоначального рая, что приводит поэта к «страшному миру». (Минц, 1999а, сс.237-245). Заметим попутно, что тема эта в лирике «третьего тома» получает и иные коллизии. Здесь можно выделить мотив роковой противоречивости идеального и материального, определяющей обреченность на

⁸ Ср.: Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. (Откр. 2: 4).

измену – верность одновременно:

*И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять – любить Ее на небе
И изменить ей на земле.
(Блок, 1997, 3, с.50).*

Можно увидеть также иную линию (*измена – раскаяние – воссоединение*), отсылающую к стихотворению Вл. Соловьева⁹ «У царицы моей есть высокий дворец...»:

*<...> Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.*

*За те погибельные муки
Неверного сама простишь,
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.
(Блок, 1997, 3, с.92).*

Следует также обратить внимание на другой библейский подтекст стихотворения «Я не предал белое знамя», который вносится образом Вифлеемской звезды. Образ этот важен в плане соединения двух художественных миров – «Стихов о Прекрасной Даме» и «Стихов о России», так как сравнение в последнем двустишии стихотворения («*И горит звезда Вифлеема / Так светло, как Любовь моя.*») следует воспринимать как относящееся к двум мирам одновременно. Такое прочтение, с одной стороны, продиктовано отмеченным переплетением двух художественных миров в мотивах любви и верности, с другой стороны, подкрепляется конкретной соотнесенностью образной структуры стихотворения с каждым из них. Рассмотрим и этот вид соотношения стихотворения с двумя интересующими нас контекстами.

В качестве примера конкретной соотнесенности образной системы стихотворения «Я не предал белое знамя» со «Стихами о Прекрасной Даме» укажем на стихотворение «Стою на царственном пути...» (1901):

*Стою на царственном пути.
Глухая ночь, кругом огни, –
Неясно теплятся они,
А к утру надо всё найти.*

*Ступлю вперед – навстречу мрак,
Ступлю назад – слепая мгла.
А там – одна черта света,
И на черте – условный знак.*

*Но труден путь – шумит вода,
Чернеет лес, молчат поля ...
Обетованная земля –
Недостижимая звезда ...*

⁹ У Вл. Соловьева (1974: 62): *<...> Клятве ты изменил, – но изменой своей / Мог ли сердце мое изменить?*

*Звезда – условный знак в пути,
Но смутно теплятся огни,
А за чертой – иные дни,
И к утру, к утру – всё найти!*
(Блок, 1997, 1, с.71).

Наличие ветхозаветного образа Обетованной земли в приведенном стихотворении создает библейский контекст, благодаря чему образ звезды сближается с Вифлеемской звездой. Однако в стихотворении 1901 года, в соответствии с образной системой ранней лирики Блока, образы эти отнесены к миру Прекрасной Дамы¹⁰.

Рассмотрим теперь соотношенность образной системы стихотворения с художественной структурой «Стихов о России» в плане библейского контекста и темы Христа. Для этого обратим внимание на наличие еще одного актуального подтекста образно-мотивной системы блоковского текста. Речь идет о стихотворении Вл. Соловьева «Дракон. Зигфриду», к которому отсылает эпиграф, предпосланный последнему тексту цикла «На поле Куликовом». В соловьевском тексте символ знамени и мотив верности связаны с образом Христа:

*Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело, –
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
<...>*

*Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоём булате,
И речь грозящая свята.*

*Полно любовью божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно.
(Соловьев, 1974, с.136-137).*

Данный контекст обнаруживает связь образа белого (= святого) знамени не только с темой любви, но также с образом Вифлеемской звезды. Характерна и блоковская формулировка о Вл. Соловьеве: «Соловьев утверждал

¹⁰ Не случайно, на наш взгляд, что в разных аспектах эти два стихотворения («Я не предал белое знамя...» и «Стою на царственном пути...») в исследовательских ассоциациях связывались с «Двенадцатью». Рассматривая появление двенадцати красногвардейцев в начале второй главы поэмы, Долгополов обратил внимание на ритмическую и образно-символическую переключку стихотворения «Стою на царственном пути» и начальных стихов главы («Гуляет ветер, порхает снег. / Идут двенадцать человек»; в черновой редакции: «Идут – одни, горят огни, / А где они, а чьи они?»). Исследователь пишет: «Основная коллизия стихотворения, реализуемая в символах ночи, огней, неясного света впереди, прямо подводит нас к символике “Двенадцати”, причем настолько наглядно, что строки “Глухая ночь, кругом огни, – Неясно теплятся они” кажутся заимствованными из поэмы». (Долгополов, 1979, с.39). В связи с появлением Христа в «Двенадцати» С.С. Лесневский обращает внимание на идейное сходство финального стиха поэмы («Впереди – Иисус Христос») с последним двустушием стихотворения «Я не предал белое знамя...» («И горит звезда Вифлеема / Так светло, как Любовь моя»). (Финал «Двенадцати», 2000, с.203).

“священную войну” во имя “священной любви”». (Блок, 2010, 8, с.138).

Теперь нам предстоит выяснить, насколько актуальны для «Двенадцати» рассмотренные выше подтексты. Прежде чем перейти к этому вопросу, подведем некоторые предварительные итоги.

Мы видим, что последний текст «Стихов о России» с точки зрения цветовой символики, отраженной в символе белого знамени, может быть сопоставим с финальным стихотворением рассмотренного выше цикла, в котором мифопоэтика белого цвета воплощала идею *разрешения* или *синтеза*. Конечно, в структуре «Стихов о России» мы не обнаруживаем актуальную для блоковского цикла триаду. Впрочем, не следует упускать из виду два момента. Во-первых, идея триады в рассмотренном выше цикле эксплицируется благодаря авторскому комментарию к структуре цикла. В самом цикле композиционно на фоне остальных стихотворений отчетливо выделяется только последний текст именно благодаря необычайно интенсивной разработке белого цвета. Во-вторых, при рассмотрении финального текста «Стихов о России» имплицитную триаду можно усмотреть в идее синтеза, если соотнести образную систему последнего стихотворения с художественным миром открывающего книгу цикла «На поле Куликовом» (идея вечного противостояния двух противоборствующих начал). Однако гораздо важнее констатировать то, что символ белого знамени прочно связан с мотивами любви и верности, которые, с одной стороны, актуализируют определенный пласт мифопоэтики «Стихов о Прекрасной Даме», с другой – наполняют мифопоэтику белого цвета новыми коннотациями, связанными с историософией Блока и темой исторических судеб России, которая впоследствии по-своему воплотится как в «Скифах», так и в «Двенадцати». При этом в плане мифопоэтики белого цвета особо значимым оказывается библейский контекст идеи любви.

«Белый» Христос «Двенадцати»

О том, что известный пласт ранней лирике Блока тянется до «Двенадцати», во многом определяя блоковское восприятие революционных событий, свидетельствует его речь, прочитанная в Вольной философской ассоциации на вечере памяти Вл. Соловьева (август 1920 г.). Для нас особо важна блоковская характеристика личности философа. Свою речь, впоследствии опубликованную в «Записках мечтателей», Блок заканчивает следующими словами: «Вл. Соловьев, которому при жизни “не было приюта меж двух враждебных станом”, не нашел этого приюта и до сих пор, ибо он был носителем какой-то части этой третьей силы, этого, несмотря ни на что, идущего на нас нового мира». (Блок, 1962, 6, с.159).

Во-первых, заслуживает внимания то, что Блок в своей характеристике снова переплетает соловьевский контекст с концепцией цикла «На поле Куликовом», сквозь призму которых пытается истолковать разворачивающиеся исторические события.

Во-вторых, мы видим, что категории, которыми оперирует Блок, базируются на диалектической триаде, в которой снова обнаруживает свою актуальность идея окончательного разрешающего синтеза.

Можно ли проходящий через характеристику Соловьева блоковскую

идею синтеза, прозвучавшую через два с лишним года после написания «Двенадцати», без натяжки относить к актуальным подтекстам поэмы? Утвердительно ответить на данный вопрос позволяет статья Блока «Интеллигенция и революция». Напомним, что статью поэт дописал 9 января, а писать «Двенадцать» начал 8 января.

Одной из доминирующих тем статьи, особо не акцентированной исследователями, является идея любви, контаминирующая библейские подтексты: «Мало мы любили, если трусим за любимое. “Совершенная любовь изгоняет страх”¹¹; «Ибо вы мало любили, а с вас много спрашивается, больше, чем с кого-нибудь»¹². (Блок, 1962, 6:16). Недвусмысленность отсылки к 1-му посланию Иоанна в контексте идеи совершенной любви подкреплена заковыченной цитатой. Выше мы приводили дневниковую запись Блока относительно совершенной любви в связи с мифопоэтикой белого цвета в финальном стихотворении блоковского цикла. Для наглядности сравнения позволим себе еще раз процитировать эту запись: «“Безмирность” любви, аскетизм любви, любви Иоанновой (I послание Св. Иоанна), белой, не является ли высшей формой всякой любви (социальной, личной, половой и т. д.)?» (Блок, 1989, с.44). Мы, конечно, не игнорируем различие проблематики «Стихов о Прекрасной Даме» и позднего творчества Блока, но хотим подчеркнуть генетическую связь актуальных подтекстов мотива любви.

Обратим также внимание на то, что проступающая в статье блоковская рефлексия вводит тему «*верности – измены*» в контекст мистических чаяний символистов начала века, разрешение которых Блок видит в развертывающихся революционных событиях: «Стыдно сейчас надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон. Значит, рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастьем ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг – сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), – бегать кругом и кричать: “Ах, ах, сгорим!”». (Блок, 1962, 6, с.18).

Несмотря на то, что не все идеи, отраженные в статьях Блока, одинаково эксплицированы в «Двенадцати», они, безусловно, составляют ближайший контекст блоковской поэмы.

В свете сказанного обратимся к мифопоэтике белого цвета финального Христа «Двенадцати». О важности «цветовой» характеристики образа свидетельствует неоднократно приводимая в литературе архивная «Заметка о Христе», в которой Блок разъяснял для иллюстрации к «Двенадцати», каким он видит образ Христа: «Самое конкретное, что могу сказать о Христе, – белое пятно впереди, белое, как снег, и оно маячит впереди, полумерещится – неотвязно; и там же бьется красный флаг, тоже маячит в темноте. Все это – досадует, влечет, дразнит, уводит вперед за пятном, которое убегает» (Цит. по: Иванова, 2012, сс.164).

Исследовательское внимание, однако, больше привлекали отдельные

¹¹ Ср.: В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви. (1-е Иоан. 4: 18).

¹² Ср.: А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. (Лук. 7: 47).

атрибуты образа, в первую очередь, конечно, «белый венчик из роз». Любопытно, что гораздо реже комментировался стих «Снежной россыпью жемчужной». Этот атрибут блоковского Христа интерпретирует М.Ф. Пьяных. Исследователь видит здесь переключку с «жемчужными зубами» убитой Катьки («Зубки блещут жемчугом»), трактуя это как отзвук преображенной Катьки в чертах «женственного» Христа. (Пьяных, 1976, сс.29-30). Такая трактовка встречается и в некоторых западных исследованиях (Masing-Delic, 1992, сс.213-214). В связи с «белым венчиком из роз» А.Е. Горелов (1973, с.510) обращает внимание на переключку с пьесой «Незнакомка», указывая на стихи, после чтения которых в гостинной появляется Незнакомка:

*Уже сбегали с плит снега,
Блестели, обнажаясь, крыши,
Когда в соборе, в темной нише,
Ее блеснули жемчуга.
И от иконы в нежных розах
Медлительно сошла Она...
(Блок, 2014, 6.1, с.87)*

Горелов акцентирует здесь образ «нежных роз», но не менее важна и переключка другого атрибута – жемчугов. В этом атрибуте Христа содержится отсылка не только к «Незнакомке», но и неотмеченная в исследованиях явная отсылка к образному миру Прекрасной Дамы. Мы имеем в виду разительное сходство стиха «Снежной россыпью жемчужной» со стихом из «Вступления» («Отдых напрасен. Дорога крута...») к «Стихам о Прекрасной Даме» – первого текста первой книги стихов поэта:

*Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга».
(Блок, 1905, с.7).*

Дело, однако, не в частных переключках с миром Прекрасной Дамы. Не отрицая значимости отдельных атрибутов образа Христа, мы склонны считать, что в финале поэмы последовательное нанизывание мифопоэтики белого цвета подчиняет себе отдельные атрибуты образа:

*<...> Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Исус Христос.
(Блок, 1999, 5, с.20).*

При таком рассмотрении белый становится не просто цветовой символикой определенных атрибутов, но мифопоэтически значимой структурной составляющей в плане концовки поэмы.

Во многих работах о «Двенадцати» так или иначе отмечалась особая роль цветовой символики в художественной структуре поэмы, в которой с первых стихов задается контраст черного и белого:

*Черный вечер.
Белый снег.
(Блок, 1999, 5, с.7).*

Вместе с тем цветовая символика «Двенадцати» строится не на двух обозначенных в начале поэмы цветах, а на трех: черном, белом, красном.

Очевидно, что и финал поэмы имеет внутренне трехчастную структуру, в построении которой цветовой аспект играет существенную роль – в контексте актуальных для художественного сознания Блока категорий триады и синтеза «белый» Христос благодаря инверсии оказывается «впереди» кровавого флага:

*... Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.
(Блок, 1999, 5, с.20).*

Выводы

Проведенный анализ показывает, что семантика белого цвета в творчестве Блока обнаруживает некоторые устойчивые коннотации от «Стихов о Прекрасной Даме» до поэмы «Двенадцать», в финале которой цветовая символика содержит определенную отсылку к ранней лирике поэта. Во всех рассмотренных произведениях актуальные коннотации мифопоэтики белого цвета в той или иной степени связаны с диалектической триадой и идеей синтеза, а также с мотивами любви и верности, отсылающими к библейскому контексту.

Рассмотренный нами материал позволяет также утверждать, что на формирование актуальных для финала «Двенадцати» коннотаций мифопоэтики белого цвета в известной степени повлияла мистическая теория цветовой символики А. Белого. Правда, как мы убедились, уже в ранней лирике Блока идеи Белого получили своеобразное преломление.

Естественно, от «Стихов о Прекрасной Даме» до «Двенадцати» художественный мир Блока претерпел сложную эволюцию, которая наложила отпечаток на мифопоэтику финального образа Христа. Мы увидели, что в этом отношении немаловажным оказывается также контекст «Стихов о России», который становится своеобразным связующим звеном между «Стихами о Прекрасной Даме» и «Двенадцатью», воплощая мифопоэтику белого цвета в актуальных для ранней лирики Блока коннотациях и одновременно привнося новый семантический пласт, связанный с темой исторических судеб России.

Конечно, символические значения финального Христа «Двенадцати» и его цветовой символики не исчерпываются рассмотренной нами семантикой мифопоэтики белого цвета, свести к которой сложную художественную систему финальной сцены поэмы было бы грубым упрощением. Дело не только в том, что такое прочтение противоречило бы, с одной стороны, самой сущности символа – его принципиальной многозначности, с другой – важному для блоковских символов принципу полигенетично-

сти, на которую указывала З. Г. Минц (1999b, сс.374-381). Несостоятельность попыток однозначной интерпретации обусловлена сложной художественной структурой поэмы и самой фигурой Христа – краеугольного символа христианской культуры с ее неисчерпаемой традицией (религиозной, философской, художественной и др.). С этой точки зрения мы и подошли к определению задач настоящего анализа и выбору рассматриваемого материала, акцентируя внимание на одной из существенных, на наш взгляд, линий формирования актуальных коннотаций мифопоэтики белого цвета в плане интерпретации финального Христа «Двенадцати».

ИСТОЧНИКИ

Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. Москва: Прогресс-Плеяда, 2001.

Белый А. Симфонии. Ленинград: Художественная литература, 1991.

Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. Москва: Республика, 1995а.

Белый А. О религиозных переживаниях / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова. // Литературное обозрение. 1995b. № 4/5 (252), сс.4-9.

Белый А. Собрание стихотворений 1914. Москва: Наука, 1997.

Белый А. Стихотворения и поэмы в 2 томах. Санкт-Петербург; Москва: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Москва: Российское библейское общество, 1996.

Блок А.А. 15 стихотворений // Гриф. Москва, 1904. сс.19-26.

Блок А.А. Стихи о Прекрасной Даме. Москва: Гриф, 1905.

Блок А.А. Стихи о России. Петроград: Отечество, 1915.

Блок А.А. Собрание сочинений в 8 томах. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1960-1963.

Блок А.А. Переписка с С.А. Соколовым (1903-1910) / Предисл., публ. и коммент. К.Н. Суворовой. В кн.: Литературное наследство. Т.92. Кн.1. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Москва: Наука, 1980, сс.527-551.

Блок А.А. Дневник. Москва: Советская Россия, 1989.

Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Москва: Наука, 1997-2014.

Брюсов В.Я. Предисловие <к книге «Urbi et Orbi»>. В кн.: Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. Москва: Советский писатель, 1990.

Иванов-Разумник Р.В. Памяти Александра Блока. В кн. Иванов-Разумник Р.В. Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Петроград: Колос, 1923.

Максимов Д.Е. Письма и дарственные надписи Блока Александре Чеботаревской. В кн.: Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества АА. Блока, май 1962 года. Тарту: Изд-во Тартуского государственного ун-та, 1964.

Смола О.П. Комментарий к поэме «Двенадцать». В кн.: Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т.5. Москва: Наука, 1999.

Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Ленинград: Советский писатель, 1974.

Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 года // Знамя. 2000. № 11, сс.190-206.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Берков, П.Н., 1964. Итоги, современное состояние и ближайшие задачи изучения жизни и творчества В.Я. Брюсова. В кн.: К.В. Айвазян, ред. *Брюсовские чтения 1963 года*. Ереван: Айастан, сс.17-54.

Гинзбург, Л.Я., 1964. *О лирике*. Москва; Ленинград: Советский писатель.

Горелов, А.Е., 1973. *Гроза над соловьиным садом. Александр Блок*. Издание 2-е. Ленинград: Советский писатель.

Грякалова, Н.Ю., 2018. Между мистерией и пародией: поэма «Двенадцать» и жанр «городских видений» в творчестве А. Блока. *Русская литература*, 2, сс.41-47.

Долгополов, Л.К., 1979. *Поэма Александра Блока «Двенадцать»*. Ленинград: Художественная литература.

Долгополов, Л.К., 1988. *Андрей Белый и его роман «Петербург»*. Ленинград: Советский писатель.

Доценко, С.Н., 2019. Дневник А. Блока как ключ к загадке образа Христа в финале поэмы «Двенадцать». *Avtobiografija*, 8, сс.177-193. DOI: 10.25430/2281-6992/v8-177-194

Иванова, Е.В., 2012. *Александр Блок: последние годы жизни*. Санкт-Петербург; Москва: Росток.

Ильёв, С.П., 1991. Куликовская битва как «символическое событие» (цикл «На поле Куликовом» Блока и роман «Петербург» Андрея Белого). В кн.: Ю.К. Герасимов, ред. *Александр Блок. Исследования и материалы*. Ленинград: Наука, сс.22-40.

Магомедова, Д.М., 1997а. Переписка как целостный текст и источник сюжета. (На материале переписки Блока и Андрея Белого, 1903-1908 гг.). В кн.: Магомедова Д. М. *Автобиографический миф в творчестве А. Блока*. Москва: Мартин, сс.111-130.

Магомедова, Д.М., 1997б. А.А. Блок. «Нечаянная радость» (источники заглавия и структура сборника). В кн.: Магомедова Д. М. *Автобиографический миф в творчестве А. Блока*. Москва: Мартин, сс.139-151.

Мицц, З.Г., 1999а. Лирика Александра Блока. В кн.: Мицц З.Г. *Поэтика Александра Блока*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, сс.12-332.

Мицц, З.Г., 1999б. Функция реминисценций в поэтике А. Блока. В кн.: Мицц З.Г. *Поэтика Александра Блока*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, сс.362-388.

Орлов, В.Н., 1967. *Поэма Александра Блока «Двенадцать»*. Издание 2-е. Москва: Художественная литература.

Пильд, Л.Л., 1985. Из творческих связей Ал. Блока и А. Белого в период «Распутий» В кн.: З.Г. Мицц, ред. *А. Блок и его окружение. Блоковский сборник VI*. Тарту: Изд-во Тартуского государственного ун-та, сс.43-50.

Правдина, И.С., 1985. Из истории формирования цикла «Родина». В кн.: З.Г. Мицц, ред. *Мир А. Блока. Блоковский сборник <V>*. Тарту: Изд-во Тартуского государственного ун-та, сс.19-32.

Приходько, И.С., 1991. Образ Христа в поэме А. Блока «Двенадцать» (Историко-культурная и религиозно-мифологическая традиция). *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 50(5), сс.426-444.

Пустыгина, Н.Г., 1993. «Трагедия творчества» (А. Блок и роман А. Белого «Серебряный голубь»). В кн.: А. Мальц, ред. *Блоковский сборник XIII*. Тарту: ИЦ-Гарант, сс.79-90.

Пьяных, М.Ф., 1976. «Двенадцать» А. Блока. Лекция. Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. педагогического института имени А. И. Герцена.

Сугай, Л.А., 2011. Яд иронии в «Стихах о Прекрасной Даме» А. Блока. В кн.: И.С. Приходько, ред. *Шахматовский вестник 12. Биография как источник и контекст творчества А. Блока. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения поэта (10-12 октября 2010)*. Москва: Изд-во ИМЛИ РАН, сс.98-107.

Тахо-Годи, Е.А., 2018. «Святая Русь» в поэме А. Блока «Двенадцать»: художественный и литературно-философский контекст. *Русская литература*, 2, сс.33-40.

Топоров, В.Н., 1993 «Куст» и «Серебряный голубь» Андрея Белого: к связи текстов и о предполагаемой «внелитературной» основе их. В кн.: А. Мальц, ред. *Блоковский сборник XIII*. Тарту: ИЦ-Гарант, сс.91-109.

Топоров, В.Н., 1999. О «блоковском слое» в романе Андрея Белого «Серебряный голубь». В кн.: М.Л. Гаспаров, ред. *Москва и «Москва» Андрея Белого*. Москва: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, сс.212-316.

Чубаров, И.М., 2013. Символ, аффект и мазохизм (Образы революции у А. Белого и А. Блока). В кн.: К.Г. Исупов, ред. *Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый – Вячеслав Иванов – Александр Скрябин*. Москва: РОССПЭН, сс.180-205.

Flamant, Françoise, 1966. Notule IV. À propos d'un vers encore obscur des «Douze» de A. Blok. *Revue Des Études Slaves*, 45(1-4), pp.91-92.

Masing-Delic, Irene, 1992. *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature*. Stanford: Stanford University Press.

REFERENCES

Berkov, P.N., 1964. Itogi, sovremennoe sostoyanie i blizhayshie zadachi izucheniya zhizni i tvorchestva V.Ya. Bryusova [Results, current state and immediate problems of studying the life and work of V.Ya. Brusova]. In: K.V. Ajvazjan, ed. *Bryusovskie chteniya 1963 goda [Bryusov readings of 1963]*. Yerevan: Ayastan Publ, pp.17-54. (in Russian).

Ginzburg, L.Ya., 1964. *O lirike [About the Lyrics]*. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. (in Russian).

Gorelov, A.E., 1973. *Groza nad solov'inym sadom. Aleksandr Blok [Thunderstorm over the Nightingale Garden: Alexander Blok]*. 2nd edition. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. (in Russian).

Gryakalova, N.Yu., 2018. *Mezhdu misteriej i parodiej: pojema «Dvenadcat'» i zhanr «gorodskih videnij» v tvorchestve A. Bloka [Between a Mystery and a Parody: The Twelve and the «Urban Visions» Genre in the Works by A. Blok]*. *Russkaya literatura*, 2, pp.41-47. (in Russian).

Dolgoplov, L.K., 1979. Poema Aleksandra Bloka «Dvenadtsat'» [Alexander Blok's poem "The Twelve"]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ. (in Russian).

Dolgoplov, L.K., 1988. *Andrey Bely i ego roman «Peterburg» [Andrey Bely and his novel "Petersburg"]*. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. (in Russian).

Dotsenko, S.N., 2019. *Dnevnik A. Bloka kak kljuch k zagadke obraza Hrista v finale pojemy «Dvenadcat'» [Aleksandr Blok's Diary as the Key to the Mysterious Image of Jesus Christ at the End of "The Twelve"]*. *Avtobiografija*, 8, pp.177-193. DOI: 10.25430/2281-6992/v8-177-194 (in Russian).

Ivanova, E.V., 2012. *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni* [*Alexander Blok: The last years of life*]. St. Petersburg; Moscow: Rostok Publ. (in Russian).

Il'ev, S.P., 1991. Kulikovskaya bitva kak «simvolicheskoe sobytie» (tsikl «Na pole Kulikovom» Bloka i roman «Peterburg» Andrey Belogo) [The Battle of Kulikovo as a “symbolic event” (the cycle “On the Kulikovo Field” by Blok and the novel “Petersburg” by Andrey Bely)]. In: Ju.K. Gerasimov, ed. *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [*Alexander Blok: Research and Materials*]. Leningrad: Nauka Publ, pp.22-40. (in Russian).

Magomedova, D.M., 1997a. Perepiska kak tselostnyy tekst i istochnik syuzheta. (Na materiale perepiski Bloka i Andrey Belogo, 1903-1908 gg.) [Correspondence as a holistic text and source of plot. (Based on the correspondence between Blok and Andrey Bely, 1903-1908)]. In: *Magomedova D. M. Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [*Autobiographical myth in the works of A. Blok*]. Moscow: Martin Publ, pp.111-130. (in Russian).

Magomedova, D.M., 1997b. A.A. Blok. «Nechayannaya radost'» (istochniki zaglaviya i struktura sbornika) [“Unexpected Joy” (sources of the title and structure of the collection)]. In: *Magomedova D.M. Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [*Autobiographical myth in the works of A. Blok*]. Moscow: Martin Publ, pp.139-151. (in Russian).

Mints, Z.G., 1999a. Lirika Aleksandra Bloka [Lyrics by Alexander Blok]. In: Mints Z.G. *Poetika Aleksandra Bloka* [*Poetics of Alexander Blok*]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ, pp.12-332. (in Russian).

Mints, Z.G., 1999b. Funkcija reminiscencii v pojetike A. Bloka [The function of reminiscences in the poetics of A. Blok]. In: *Poetika Aleksandra Bloka* [*Poetics of Alexander Blok*]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ, pp. 362-388 (in Russian).

Orlov, V.N., 1967. *Poema Aleksandra Bloka «Dvenadsat'»* [*Alexander Blok's poem “The Twelve”*]. 2nd edition. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. (in Russian).

Pil'd, L.L., 1985. Iz tvorcheskikh svyazey Al. Bloka i A. Belogo v period «Rasputiy» [From creative connections Al. Blok and A. Bely during the period of “Crossroads”]. In: Z.G. Mints, ed. *A. Blok i ego okruzhenie. Blokovskiy sbornik VI* [*Blok and his environment. Blok Collection VI*]. Tartu: Tartu State Univ. Publ, pp.43-50. (in Russian).

Pravdina, I.S., 1985. Iz istorii formirovaniya cikla «Rodina» [From the history of the formation of the cycle “Motherland”]. In: Z.G. Mints, ed. *Mir A. Bloka. Blokovskiy sbornik <V>* [*The World of Alexander Blok. Blok Collection <V>*]. Tartu: Tartu State Univ. Publ, pp.19-32. (in Russian).

Prihod'ko, I.S., 1991. Obraz Khrista v poeme A. Bloka «Dvenadsat'» (Istoriko-kul'turnaya i religiozno-mifologicheskaya traditsiya) [The image of Christ in Blok's poem “The Twelve” (Historical, cultural, religious and mythological traditions)]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 50(5), pp.426-444. (in Russian).

Pustygina, N.G., 1993. «Tragediya tvorchestva» (A. Blok i roman A. Belogo «Serebryanyy golub'») [“Tragedy of creativity” (A. Blok and Bely's novel “Silver Dove”)]. In: A. Maltz, ed. *Blokovskiy sbornik XII* [*Blok Collection XII*]. Tartu: ITs-Garant Publ, pp.79-90. (in Russian).

P'yanykh, M.F., 1976. «Dvenadsat'» A. Bloka. Lektsiya [“The Twelve” by A. Blok. Lecture]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Univ. after of A.I. Herzen Publ. (in Russian).

Sugay, L.A., 2011. Yad ironii v «Stikhakh o Prekrasnoy Dame» A. Bloka [The poison of irony in “Verses about the Beautiful Lady” by A. Blok]. In: I.S. Prikhod'ko, red. *Shakhmatovskiy vestnik 12. Biografiya kak istochnik i kontekst tvorchestva A. Bloka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 130-letiyu so dnya rozhdeniya poeta (10-12 oktyabrya 2010)* [*Shakhmatovo Bulletin 12. Biography as a source and context for A. Blok's creativity. Materials of the international scientific conference dedicated to the 130th anniversary of the birth of the poet (October 10-12, 2010)*]. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ, pp.98-107. (in Russian).

Takho-Godi, E.A., 2018. «Svyataya Rus'» v poeme A. Bloka «Dvenadtsat'»: khudozhestvennyy i literaturno-filosofskiy kontekst [“The Holy Rus” in A. Blok's Poem “The Twelve”: Artistic, Literary and Philosophical Context]. *Russkaya literatura*, 2, pp.33-40. (in Russian).

Toporov, V.N., 1993. «Kust» i «Serebryanyy golub'» Andrey Belogo: k svyazi tekstov i o predpolagaemoy «vneliteraturnoy» osnove ikh [“The Bush” and “Silver Dove” by Andrey Bely: to the connection of texts and their alleged “non-literary” basis]. In: A. Maltz, ed. *Blokovskiy sbornik XII [Blok Collection XII]*. Tartu: ITs-Garant Publ, pp.91-109. (in Russian).

Toporov, V.N., 1999. O «blokovskom sloe» v romane Andrey Belogo «Serebryanyy golub'» [About the “Blok layer” in Andrey Bely's novel “Silver Dove”]. In: M.L. Gasparov, ed. *Moskva i «Moskva» Andrey Belogo [Moscow and “Moscow” by Andrey Bely]*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ, pp.212-316. (in Russian).

Chubarov, I.M., 2013. Simvol, affekt i mazokhizm (Obrazy revolyutsii u A. Belogo i A. Bloka) [Symbol, affect and masochism (Images of the revolution by A. Bely and A. Blok)]. In: K.G. Isupov, ed. *Filosofiya. Literatura. Iskusstvo: Andrey Bely – Vyacheslav Ivanov – Aleksandr Skryabin [Philosophy. Literature. Art: Andrey Bely – Vyacheslav Ivanov – Alexander Scriabin]*. Moscow: ROSSPEN Publ, pp.180-205. (in Russian).

Flamant, Françoise, 1966. Notule IV. À propos d'un vers encore obscur des «Douze» de A. Blok. *Révue Des Études Slaves*, 45(1-4), pp.91-92. (in French).

Masing-Delic, Irene, 1992. *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature*. Stanford: Stanford University Press. (in English).

ԷՂԳԱՐ ԱՐՇԱԿՅԱՆ – Մայիտակ գույնի կայուն կոննոտացիաները Ա. Բլոկի ստեղծագործությունում՝ «Բանաստեղծություններ Չքնաղ Տիկնոջ մասին» բանաստեղծական գրքից մինչև «Տասներկուսը» պոեմը – Ա. Բլոկի «Տասներկուսը» պոեմին նվիրված վերլուծություններում Քրիստոսի կերպարի սիմվոլիկայի կապը «Բանաստեղծություններ Չքնաղ Տիկնոջ մասին» գրքի միֆապոետիկայի հետ քիչ է արծարծվում՝ չնայած այն հանգամանքին, որ Բլոկի ուշ շրջանի ստեղծագործությունների միֆապոետիկայի շատ առանձնահատկություններ ձևավորվում են հենց «Բանաստեղծություններ Չքնաղ Տիկնոջ մասին» գրքում կամ նրա միֆապոետիկայի հետ որոշակի հարաբերակցությամբ: Սույն հոդվածում դիտարկվում է սայիտակ գույնի միֆապոետիկայի ծագումը Բլոկի վաղ քնարերգության մեջ՝ «Տասներկուսը» պոեմում ակտուալ կոննոտացիաների համատեքստում: Բլոկի վաղ քնարերգության մեջ սայիտակ գույնի միֆապոետիկայի ձևավորման գործընթացի վրա էական ազդեցություն ու-

նեն Ա. Բելիի գունային սիմվոլիկայի միստիկ մեկնաբանության հետ ծանոթությունը և այս թեմայի քննարկումը երկու բանաստեղծների վաղ նամակագրության մեջ: Ճիշտ է, Բլոկի գեղարվեստական ընկալման մեջ Բելիի գաղափարները ենթարկվում են որոշակի փոխակերպման: Սպիտակ գույնի միֆապոետիկայի տեսանկյունից հորվածում վերլուծվում են 1904 թվականին «Գրիֆ» ավանախում տպագրված՝ Բլոկի 15 բանաստեղծություններից բաղկացած շարքը, «Բանաստեղծություններ Ռուսաստանի մասին» գիրքը (1915 թ.), ինչպես նաև «Տասներկուսը» պոեմը (1918 թ.): Առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվում հիշյալ ստեղծագործությունների կոմպոզիցիոն առանձնահատկություններին: Վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ այս երկերում սպիտակ գույնի միֆապոետիկայի ակտուալ կոննոտացիաները կապված են դիալեկտիկական եռյակի և սինթեզի գաղափարի, ինչպես նաև սիրո և հավատարմության մոտիվների հետ, որոնք բանաստեղծի կողմից իմաստավորվում են աստվածաշնչյան համատեքստում:

Բանալի բառեր – *Ա. Բլոկ, Ա. Բելի, «Բանաստեղծություններ Չքնաղ Տիկնոջ մասին», «Բանաստեղծություններ Ռուսաստանի մասին», «Տասներկուսը», Քրիստոսի կերպարը, սպիտակ գույնի միֆապոետիկա, սիրո մոտիվ*

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ****ДИАНА ГАЗАРОВА**

В статье рассматриваются личные местоимения в аспекте их прагматического и манипулятивного потенциала, реализуемого в политическом дискурсе. Несмотря на основное дейктическое значение, личные местоимения выполняют различные функции в политическом дискурсе. Главная их особенность – это то, что они являются одним из основных способов эффективного манипулирования обществом. На выбор политика того или иного местоимения влияют различные факторы: политические, геополитические, социальные, психологические и др. Использование местоимений делает речь политика более выразительной, более экспрессивной, а главное – более действенной в процессе достижения главной цели политического дискурса – борьбы за власть/сохранения власти. Личные местоимения выражают самые разнообразные значения в политическом дискурсе, вплоть до прямо противоположных. Так, например, личное местоимение *мы* может выражать как идею единства и солидарности (инклюзивное *мы*), так и, наоборот, идею разделения и отдаления (эксклюзивное *мы*). Личные местоимения способствуют реализации и экспликации дихотомии «свой-чужой» – важнейшей составляющей политического дискурса. Личные местоимения наделяются в политическом дискурсе оценочными коннотациями и выражают один из главных постулатов политического дискурса: «свое (мы, наше) – хорошо, а чужое (они, их) – плохо». Личные местоимения помогают политику внушить народу/электорату, что его, народа, интересы учитываются; что политик и народ едины, что у политика и народа общие интересы, все это усиливает речевое и эмоциональное воздействие на электорат.

Ключевые слова: *политический дискурс, личные местоимения, «свой-чужой», инклюзивное мы, эксклюзивное мы*

PRAGMATIC AND MANIPULATIVE POTENTIAL OF PERSONAL PRONOUNS IN POLITICAL DISCOURSE**DIANA GAZAROVA**

The article considers the pragmatic and manipulative of personal pronouns in political discourse. Despite the main deictic meaning, personal pronouns perform different functions in political discourse. Their main feature of pronouns is that they are the main factors of manipulating society. The choice of politics or other pronouns of the properties depends on various factors: political, geopolitical, social, psychological, etc. The use of pronouns makes the politician's speech more expressive and, what is the most important, more effective in the process of achieving the main goal of political discourse - a struggle for power/preservation of power. Personal pronouns express a wide variety of meanings in political discourse, up to the exact opposite. So, for example, the personal pronoun *we* can express both the idea of unity and solidarity (inclusive *we*),

and, conversely, the idea of separation and distancing (exclusive *we*). Personal pronouns contribute to the implementation and explication of the dichotomy “friend or foe” - the most important component of political discourse. Personal pronouns have in political discourse evaluative connotations and express one of the main postulates of political discourse: “friend (*we, ours*) is good, and foe (*they, theirs*) is bad. Personal pronouns help the politician to inspire the people / electorate that the people's interests are taken into account; that the politician and the people are united, that they have common interests, and all this enhances the verbal and emotional impact on the electorate.

Keywords: *discourse, personal pronouns, “friend or foe”, inclusive “we”, exclusive “we”*

Введение

Семантическое своеобразие местоимений давно осознается лингвистами. М.А. Шелякин называет местоимения самой эгоцентрической подсистемой языка. (Шелякин, 1978, с.22). Выражая самые разные значения, в дискурсе местоимения «приобретают особую систему свойств при рассмотрении их в комплексе семантико-прагматических и когнитивно-дискурсивных признаков». (Синельникова, 2020, с.260).

В организации дискурса местоимения выполняют следующие основные функции: оформление цепной связи между предложениями, анафорических и катафорических связей. В основном это касается личных и указательных местоимений. Лингвисты, в частности лингвополитологи, отмечают особую функциональную нагрузку, которой наделяются личные местоимения в политическом дискурсе. Манипулятивность является отличительной особенностью политического дискурса, наряду с его оценочностью, экспрессивностью. Местоимения вообще и личные местоимения в частности – одно из самых эффективных средств манипуляции.

Излюбленная сфера манипуляций с *мы* – политические лозунги, публицистика, массовая песня. Контексты типа *Мы требуем... Мы не позволим, чтобы... Мы ждем от мировой общественности поддержки..., Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, Нам нет преград ни в море, ни на суше..., Нам песня строить и жить помогает...* содержат в себя «презумпцию включенности в коллектив», они навязывают носителю языка образ некоего изначального социума, частицей которого он является. *Мы* становится инструментом идеологической суггестии, воздействия на людей, воспитания «винтиков» государственной машины. Не случайно одна из самых известных антиутопий, повествующих о жестко регламентированной жизни людей в условиях тоталитарного государства, так и называется – «Мы». (Норман, 2009, сс.59-60).

В политическом дискурсе бывают задействованы самые разнообразные языковые приемы, цель использования которых – сохранение власти посредством воздействия на адресата, убеждения, стремления добиться голоса на выборах, решить свои политические задачи и т.д. В системе лингвистических средств, используемых для реализации главной функции по-

литического дискурса – воздействия и убеждения, личные местоимения занимают особое и уникальное место.

В политическом дискурсе местоимения являются одним из основных средств манипулирования общественным мнением, способом выражения оценки, относительной неопределенности. В речи политиков местоимения выполняют самые различные функции: личные и притяжательные местоимения способствуют реализации и экспликации дихотомии «свой-чужой», указательные и неопределенные местоимения выражают категорию определенности/неопределенности, а также являются средствами выражения и усиления оценки говорящим того или иного события. Использование местоимений делает речь политика более эмоциональной, более выразительной, более общественно-ориентированной. Местоимения помогают политику выстроить нужную модель отношений с электоратом, апеллируют к эмоциям слушателей. На выбор политиком того или иного местоимения влияют самые различные факторы: политические, геополитические, социальные и др.

Личные местоимения ярче всего осуществляют манипулирование общественным мнением благодаря своим референциальным свойствам. Ведь особенностью личных местоимений является их ситуативность и нефиксированность референта. Как писал еще Эмиль Бенвенист в своем труде «Общая лингвистика»:

Каждый речевой акт употребления имени имеет референцию с постоянным и «объективным» понятием, которое может быть виртуальным или актуализироваться в представлении индивидуального объекта, оставаясь всегда идентичным. Но речевые акты употребления *я* не образуют единого класса референции, так как «объекта», определяемого в качестве *я*, с которыми могли бы идентично соотноситься эти акты, не существует. Каждое *я* имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности. (Бенвенист, 1974, с.286).

Именно эта нефиксированная референтность (в основном это касается местоимений множественного числа), ситуативность и позволяет политикам каждый раз по-своему наполнять семантику личных местоимений для решения собственных политических задач. В статье мы рассмотрим лингвопрагматические особенности личных местоимений I лица в политическом дискурсе и их манипулятивный потенциал. Одно и то же личное местоимение, например, личное местоимение I лица множ. числа *мы*, может выражать самые разные значения, в частности, *мы* имеем в виду инклюзивное и эксклюзивное использование данного местоимения, играющего важную роль в организации политического дискурса и достижении его цели. Личные местоимения являются яркими экспликаторами дихотомии «свой-чужой», одной из основополагающих в политическом дискурсе.

Иллюстративный материал был собран на сайте www.kremlin.ru, где

размещены в том числе и стенограммы публичных выступлений российских политиков.

Основная часть

• Местоимение я

На выбор политика в пользу местоимения *я* или *мы* влияет и опыт, стаж политика: «У человека, который недавно занял позицию политического лидера, стал первым лицом государства, меняется язык. У молодых политиков чаще звучит местоимение «я», поскольку слово «я» связано с большим вниманием к себе, озабоченностью, тревогой, внутренними мыслями и чувствами. Опытные политические лидеры чувствуют себя комфортнее и чаще используют в речи местоимение «мы», нежели «я». (Касаткин, Романенко, 2019, с.170).

Референтом личного местоимения *я* всегда является выступающий, с помощью местоимения политики могут представить себя в положительном, выгодном свете, свои лучшие качества: *Тот же «Новатэк», который Вы упомянули, – они же у нас лидеры по производству СПГ. У них и на севере... Я там был, кстати. Естественно, здесь мало, наверное, кто был там, но я был.* (В. Путин, Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года); *Конечно, можно здесь поругивать Центральный банк. Я знаю – я же каждый день в контакте с коллегами, скажем, из реального сектора экономики, – знаю, как они ругаются на Центральный банк, и знаю их аргументы. Почти каждый день, поверьте, просто по телевизору не показываем: на три метра люди садятся от меня, мы беседуем. Показывают только незначительную долю моих контактов и встреч, когда мы под камеры с людьми работаем, а так практически каждый день я встречаюсь, и совещания проводим.* (В. Путин, Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2021 года), *Мы со многими поддерживаем отношения в течение длительного времени, и я знаю настроения многих наших руководителей компаний и собственников* (В. Путин, Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2022 года).

В приведенных примерах с помощью местоимения *я* политик подчеркивает свои преимущества, компетенции и навыки, важные для электората и для государства. Если в случае с молодыми и неопытными политиками местоимение *я* свидетельствует об их сосредоточенности на себе и своих интересах, то политики со стажем используют местоимение *я* для того, чтобы подчеркнуть свои преимущества перед оппонентами и свою исключительность, тем самым акцентируя то, что электорат не ошибся с выбором.

С другой стороны, используя личное местоимение *я*, политик старается и защитить себя, указав на некоторую сферу, в которой у него недостаточно информации и знаний:

Очень, честно говоря, интересно, для меня неожиданно абсолютно. Я этого, откровенно говоря, никогда не слышал. Только знаю, что, безусловно, нужно заниматься техникой, приборной базой, совершенствовать всё это (В. Путин, Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года).

Таким образом, личное местоимение усиливает личностный момент и свидетельствует о личной ответственности и в то же время – говорящий старается обезопасить себя именно как представителя политической единицы (партии, штаба, правительства и т.д.):

Вы все люди грамотные, добившиеся уже определённых результатов в тех сферах деятельности, которыми вы занимаетесь, и я сразу хочу принести свои извинения, если не смогу ответить на какие-то ваши вопросы (В. Путин, Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года).

Использование местоимения я создает впечатление более личного дискурса, когда политик представляет взгляд на ту или иную проблему изнутри. Такой дискурс может усилить воздействие политика на электорат.

Для меня, хочу подчеркнуть, мероприятия подобного рода не являются формальными, я придаю им большое значение (В. Путин, Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина, 17 декабря 2020 года); *Вам может показаться это странным: я не вмешиваюсь в работу Центрального банка, но оцениваю её положительно и полагаю, что, в принципе, мы находим золотую середину* (В. Путин, Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2021 года); *Но я так понял из разговоров с Александром Григорьевичем Лукашенко и с Канцлером Меркель, они готовы друг с другом поговорить* (В. Путин, Большое интервью каналу «Россия», 13 ноября 2021 года).

Местоимение я необходимо для акцентирования внимания слушателей на позиции оратора, его причастности к тем или иным действиям.

Уважаемые коллеги, в заключение я хотел бы вновь подчеркнуть: устойчивое развитие Каспийского региона, повышение уровня жизни его жителей, без сомнения, всегда было и остаётся приоритетной задачей сотрудничества государств «пятёрки». И Россия готова принимать в этой работе самое активное участие (В. Путин, Шестой Каспийский саммит, 29 июня 2022 года).

Употребление местоимения я связано с выражением намерений, интенций политика, содержание которых ориентировано на других субъектов:

Поэтому я жду, что в следующем выступлении Вы поставите уже социалистические задачи. И я думаю, активно поддержит даже «Единая Россия» (Г. Зюганов, Встреча с руководством Госдумы и главами фракций, 7 июля 2022 года).

- **Инклюзивное мы**

Однако чаще политики используют личное местоимение *мы*, которое выражает идею коллективного адресанта. Личное местоимение I лица множ. числа помогает представить некую точку зрения не как единичную, принадлежащую только субъекту речи. В этих случаях мы имеем дело с инклюзивным *мы*, которое объединяет в своей семантике адресанта и адресата сообщения. Создается эффект коллективного отправителя сообщения. Здесь реализуется собирательное значение, когда адресант сообщения (политик) представляет свою точку зрения, точку зрения своей партии как собирательную, коллективную точку зрения, тем самым подчеркивая, что он выражает не только свою позицию, но и мнение партии/страны.

Интересен в этом аспекте следующий пример: *Вообще, почему у меня родилась такая идея? Мы в своей обычной жизни занимаемся своей работой, воспитанием детей, какими-то хобби – как правило, особенно не задумываемся над вопросами подобного свойства и характера, которые изложены в этом материале. А ситуация требовала того, чтобы мы посмотрели повнимательнее на то, в каком мире мы живём, кто мы такие, каковы отношения с нашими ближайшими родственниками и соседями* (В. Путин, Об Украине, единстве, свободе государств, 13 июля 2021 года).

Как мы видим, вначале политик предлагает идею (употреблено личное местоимение I лица ед. ч. – *у меня*), но в дальнейшем везде употребляется личное местоимение множ. числа, для того чтобы подчеркнуть: идея имеет всеобщую значимость. Это случаи, когда политик хочет разделить свою ответственность с народом или показать и акцентировать свое единство с ним.

Эпидемия наступала. Но наряду с естественной большой тревогой у меня лично была твёрдая уверенность в том, что мы обязательно преодолеем все испытания (В. Путин, Послание Президента Федеральному собранию, 21 апреля 2021 года).

В подобных случаях *мы* имеет значение «каждый из нас», подчеркивает единство и солидарность, консолидацию, народу внушается, подчеркивается, что его – народа – интересы учитываются и имеют первостепенное значение:

Самое главное, что все трудности уходящего года мы преодолевали вместе. Защитили тех, кто оказался в сложной ситуации, в первую очередь поддержали людей старших поколений и семьи, где растут дети – будущее России. Мы твёрдо и последовательно отстаивали наши национальные интересы, безопасность страны и граждан. В короткие сроки восстановили экономику и по многим позициям выходим сейчас на реализацию стратегических задач развития (В. Путин, Новогоднее обращение к гражданам России, 31 декабря 2021 года).

Отметим такую особенность личных местоимений, как семантика множественного числа. Множественное число личных местоимений отличается от множественного числа существительных: *мы* – это не много я, а

я + кто-то другой, множество лиц, в которое входит и говорящий. И определить, что именно это за множество лиц, в политическом дискурсе не всегда бывает просто и однозначно.

В своей книге «Лингвистическая прагматика» Б.Ю. Норман приводит цитату Л. Рубинштейна, ярко демонстрирующую неопределенность второй составляющей *мы*, что и приводит к речевой манипуляции:

Когда журналист в телевизоре говорит мне что-то вроде того, что «наша политика в Закавказье должна» или «мы не можем допустить, чтобы», мне хочется сказать ему: «слушай, дорогой. Кто это «мы»? Это ты вкупе с президентом, его администрацией, с его армией и тайной полицией? Так так и говори. А я тебе – не «мы». У меня, знаешь ли, свои «мы»... (Норман, 2009, с.59).

В отличие от местоимения *я*, однозначно относящегося к субъекту речи, прономинант *мы* обладает менее четкой референтной связью. Семантика местоимения *мы* более сложна, поскольку оно обладает значительным прагматическим потенциалом и считается очень коварной лексической единицей. Обозначая говорящего и кого-то другого, оно оставляет неясным, кого другого. (Крапивкина, 2018, с.91).

Именно ввиду этой неоднозначности, неопределенности второго компонента, входящего в семантику *мы*, говорящий (по мере необходимости) уточняет, кто входит в группу, обозначенную им местоимением *мы*:

Мы не просто семь, почти восемь лет этим занимались. Когда я говорю «мы», имею в виду Россию, и ваш покорный слуга был автором документов. И поэтому, хочу ещё раз это подчеркнуть, мы были заинтересованы в реализации этого Комплекса мер (В. Путин, Ответы на вопросы журналистов, 22 февраля 2022 года); Поэтому, как мне представляется, мы этот факт как члены Совета Безопасности игнорировать не можем (Д. Медведев, Заседание Совета Безопасности, 21 февраля 2022 года); Я в данном случае имею в виду, Владимир Владимирович, даже не русский мир, который мы всячески опекаем, помогаем, поддерживаем, а граждан Российской Федерации. Граждан, которые живут в другой стране. Это наши с вами люди (Д. Медведев, Заседание Совета Безопасности, 21 февраля 2022 года).

Таким образом, каждый раз местоимение *мы* образует свою собственную референцию.

Местоимение *мы* выражает единство оратора и слушателя, демонстрирует единство политика с народом. Местоимение *мы* способствует тому, чтобы адресат понял: выступающий такой же, как и он сам, выступающий – «один из нас». И поэтому, даже используя личное местоимение ед. ч. *я*, политики предпочитают в дальнейшем перейти на *мы*, *наш*:

Но вот я о чём подумал, и, думаю, вы это тоже понимаете: когда ребёнку исполнится три года, установленные выплаты прекращаются, и, значит, семья

*сразу же может попасть в сложную ситуацию с доходами. Это, собственно говоря, и происходит. Этого нельзя допустить. <...> Мы с вами хорошо знаем по своим детям, по своим внукам. Ребятишки в этом возрасте, что называется, знакомятся с вирусами, часто болеют (В. Путин, Послание Президента Федеральному собранию, 15 января 2020 года); Всё-таки **наша** последовательная разъяснительная работа и приверженность разъяснению **нашей** правоты при готовности выслушать какие-то серьёзные встречные аргументы, **мне** кажется, **наши** возможности далеко не исчерпаны. Они, конечно, не должны продолжаться бесконечно, но на данном этапе **я бы предложил их продолжать и наращивать** (С. Лавров, Встреча с главой МИД России Сергеем Лавровым, 14 февраля 2022 года).*

Использование местоимения *мы* свидетельствует о приоритете коллектива. Как отмечают Б.Ю. Норман и А.М. Плотникова, «личное местоимение *мы* является эталонным морфологическим средством для выражения коллективной идентичности». (Норман, Плотникова, 2016, с.127). Отдавая предпочтение личному местоимению *мы*, политик подчеркивает, что он выражает не свое личное мнение, а мнение всей партии/страны. Местоимение *мы* объединяет в своей семантике отправителя и получателя сообщения.

*Духовно-нравственные ценности, о которых в ряде стран уже забывают, нас, напротив, сделали сильнее. И эти ценности **мы** всегда будем отстаивать и защищать* (В. Путин, Послание Президента Федеральному Собранию, 21 апреля 2021 года); *Проблем – море, и всё-таки море – это океан, он везде, по всему миру расплескался. Но можно с уверенностью сказать, что **мы** встретили эти проблемы достойно и отчасти даже, может быть, лучше, чем в других странах мира, которые по праву гордятся и устойчивостью своей экономики, и развитием своих социальных служб и систем здравоохранения* (В. Путин, Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина, 17 декабря 2020 года), ***Мы все одинаково заинтересованы в том, чтобы в парламент пришли ответственные, деятельные, авторитетные люди, способные держать слово, выполнить ваши указы и свои обещания, оправдать надежды и доверие граждан России*** (В. Путин, Обращение к гражданам России, 6 сентября 2021 года).

Во всех приведенных примерах использовано инклюзивное *мы*. В подобных случаях политик пытается привлечь аудиторию на свою сторону, наряду внушается мысль о его сопричастности к миру политики.

Показателями инклюзивности, принадлежности к лагерю «своих» являются также следующие лексемы:

- лексемы совместности *вместе, все, единство, союз* и др.:

*Вот давайте будем все **вместе** двигаться по этим направлениям* (В. Путин, Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2021 года); *Сейчас страна проходит через очередную череду испытаний, и **все***

мы знаем, как внимательно весь мир и наша страна относятся к тому, что происходит в гражданской сфере (В. Путин, Встреча с выпускниками военных вузов, 21 июня 2022 года).

- обращения с коннотацией «я свой» (коллеги, соотечественники, сограждане, друзья и т.д.):

Я хочу поблагодарить и поздравить наших коллег в регионах за эту работу (Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2022 года); *Добрый день, дорогие друзья* (Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года); *Товарищи офицеры! Дорогие друзья!* (В. Путин, Встреча с выпускниками военных вузов, 21 июня 2022 года).

- формулы причастности (*Я, как все...*):

Но общения с близкими, друзьями, коллегами, с которыми нужно совсем встретиться, рядом посидеть, – этого, конечно, не хватает. Я думаю, что так же, как и любому другому человеку (Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2021 года).

Все эти лексемы способствуют достижению эффекта единства с аудиторией, электоратом. Инклюзивное *мы* помогает политику создать видимость общих интересов, что в свою очередь усиливает воздействие на электорат. При манипулятивном воздействии очень важно установление контакта. Е. Шейгал пишет об использовании в таких случаях приема, называемого в нейролингвистическом программировании «присоединением», он «широко используется в политической демагогии при обращении лидера к народу в целях отождествления себя с ним и представления себя в качестве выразителя и защитника его интересов». (Шейгал, 2000, с.160).

- **Эксклюзивное *мы***

В политическом дискурсе используется и эксклюзивное *мы*, когда местоимение создает эффект отдаления, разделения адресата и адресанта. В эксклюзивном значении *мы* противопоставлено местоимению II лица множ. числа *вы* и местоимению III лица множ. числа *они*, что создает дихотомию «свой-чужой», «мы – они».

Мне кажется, что Соединённые Штаты совершают очень большую ошибку, что используют доллар в качестве санкционного инструмента. А они это делают, так как препятствуют расчётам в долларах за санкционную продукцию. Просто нам невозможно получить деньги клиентов за поставленную продукцию в долларах. К чему это приводит? Мы вынуждены просто, у нас нет другого выбора, мы просто вынуждены переходить к расчётам в других валютах (В. Путин, Интервью телеканалу CNBC, 14 октября 2021 года).; *Но мы, повторяю, тоже в это не лезем. Всё это продиктовано внутренними процессами политического характера, внутривнутриполитическими вопросами, проблемами самих Соединённых Штатов. <...> В известной степени это льёт, как у нас в народе*

говорят, воду на нашу мельницу. Но, повторяю, это всё-таки не **наше** дело, пусть **они** там разбираются между собой так, как считают нужным в контексте происходящих событий (В. Путин, Интервью телеканалу «Россия», 7 октября 2020 года); Это **наши** праздник. Я думаю, что для **наших** бывших союзников по антигитлеровской коалиции и внутривосточности, и в моральном смысле было бы правильно к **нам** приехать. **Мы** ждём и будем рады, если **они** приедут. Если нет – это **их** выбор. Но это, мне кажется, и для **них** было бы ошибкой (В. Путин, О памяти о Великой Отечественной войне, Сталине и Гитлере, интервью ТАСС, 10 марта 2020 года).

Местоимения (в основном это эксклюзивное *мы*), таким образом, являются в политическом дискурсе эксплицитным способом реализации дихотомии «свой-чужой». И это, несомненно, делает речь политика более экспрессивной, более действенной и более запоминающейся. По словам Е.И. Шейгал, «оппозиция «свой – чужие» или «друг – враг» является базовой для политического дискурса так же, как оппозиция «добро – зло» является базовой для области морального, «прекрасное – безобразное» в области эстетического, «полезное – вредное» или «рентабельное – нерентабельное» – в сфере экономического». (Шейгал, 2000, с.150).

«В политическом дискурсе выбор инклюзивного или эксклюзивного значения местоимения *мы* оказывается особо значимым. Дейкитические пары «мы – они», «мы – вы» являются носителями объединения или отчуждения и, по сути, входят в «формулу власти». (Синельникова, 2020, сс.25-26).

Как справедливо отмечает Ю.Э. Галямина, обозначение «своих» в языке более грамматикализовано, чем обозначение «чужих» (Галямина, 2016, с.154). «Чужие» могут быть названы поименно, но чаще используются местоимения – личные местоимения III лица множ. числа, а также неопределённые местоимения:

*И мы знаем о планах **некоторых** стран разместить оружие в космосе. Я хочу услышать о том, как будет купирована и эта возможная угроза (с Лавровым); По сути, это действия государственных структур, и мы знаем с вами, что в состав армий **некоторых** стран уже вполне официально входят кибервойска* (В. Путин, Заседание Совета безопасности, 20 мая 2022 года);

Также показателями «чужих» могут быть дисфемизмы, сниженная лексика:

*В некоторых странах завели **пренебрежительный** обычай – по любому поводу, а чаще всего вообще без всякого повода цеплять Россию* (В. Путин, Послание Президента Федеральному Собранию, 21 апреля 2022 года).

В языковом отношении «свое» предстает в семантическом окружении единиц с позитивной оценкой, а «чужое» и вообще «другое» оценивается

негативно. Здесь нет промежуточных возможностей, но только полярные противопоставления типа «Победа или смерть»; «Кто не с нами – тот против нас». (Чернявская, 2006, с.52).

«Свойственность» и «чуждость» передают также местоименные наречия *здесь* и *там*: *Демократические процедуры, выборы в той же Европе, – честно говоря, иногда смотришь на то, что там происходит, какие силы приходят к власти, – всё это похоже на ширму, потому что друг друга у власти меняют похожие как близнецы политические партии.* (В. Путин, Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2022 года); *Пытаются ограничить наши энергоносители – опять цены взлетели до небес просто. Там уже моим именем называют инфляцию.* (В. Путин, Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года); *Просто там решения были приняты парламентом, а здесь – на общенародном референдуме.* (В. Путин, Владимир Путин ответил на вопросы журналистов, 22 февраля 2022 года); *Здесь люди гибли, применялось автоматическое оружие, танки стреляли по парламенту. И в этих условиях была принята Конституция. Память такая, что стараемся выкинуть из памяти самое плохое, но это было, и было не где-то там, а здесь, у нас.* (В. Путин, Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина, 17 декабря 2020 года).

В подобных случаях местоимения и наречия выполняют агональную функцию, т.е. когда политик стремится сформировать отрицательный образ «чужих». Однако наиболее частотным и экспрессивным является употребление эксклюзивного *мы* для реализации дихотомии «свой-чужой».

Основной целью политического дискурса является борьба за власть, содержание которой, как отмечает Шейгал, может быть сведено к трем составляющим: «формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция) и борьба с противником (агрессия как проявление агональности)». (Шейгал, 2000, с.197).

Исследователи отмечают, что для идентификации своей и чужой групп в политическом дискурсе используются эвфемизмы (для формирования положительного образа «своих») и дисфемизмы (для формирования образа «чужих», вызывающего ненависть). «Свои» – это мы, «правильные», положительные, соответствующие норме, «чужие» – это они, «неправильные», отрицательные, не соответствующие норме. Особенностью личных местоимений является то, что они совмещают в себе обе эти функции. Личные местоимения I и III лица ярче всего эксплицируют дихотомию «свой-чужой»:

Они очень хотели, чтобы всё, что происходит, отразилось на внутривнутриполитических процессах в Российской Федерации. Они всегда просчитываются, не понимая, что в сложных условиях российский народ, русский народ всегда спланивается. Они увидят это, а у них у самих проблемы неизбежны. Они и нам хотят создать эти проблемы, и создают.

Да, в некоторых отраслях будет непросто, но мы справимся с этими сложностями (В. Путин, Совместная пресс-конференция с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко, 12 апреля 2022 года).

Целью политического дискурса является не описание, а убеждение, стремление не информировать, а сообщить тому или иному явлению/ субъекту/объекту оценочность, оказать эмоциональное воздействие на адресата. Оценочность же напрямую связана с дихотомией «свой-чужой», и личные местоимения являются эффективным способом экспликации этой дихотомии и одним из важнейших средств убеждения адресата в своей правоте. Примечательно, что личные местоимения, обычно не содержащие в себе оценки, наделяются в политическом дискурсе оценочными коннотациями и выражают один из главных постулатов политического дискурса: «свое (мы, наше) – хорошо, а чужое (они, их) – плохо». В политическом дискурсе личные местоимения служат для манифестации «своих» оценок, «своих» позиций, противостоящим «чужим» и для эффективного воздействия на адресата – основной цели любого политического дискурса.

Выводы

Личные местоимения являются одним из наиболее эффективных средств реализации манипулятивной функции политического дискурса. Выбор политиком того или иного местоимения не является случайным: выбор обусловлен преследованием своих политических целей, стремлением убедить адресата, оказать на него эмоциональное воздействие. Личные местоимения обладают богатым прагматическим и манипулятивным потенциалом. Они способны выражать самые разнообразные значения, вплоть до прямо противоположных. Так, местоимение *мы* может быть использовано в инклюзивном употреблении и выражать собирательное значение, когда политик представляет свою точку зрения как коллективную, когда происходит объединение адресата и адресанта (значение коллективной идентичности). С другой стороны, эксклюзивное *мы* создает обратный эффект: не единства говорящего и слушателей, а их разделения. Именно в этом употреблении личные местоимения являются репрезентаторами одной из фундаментальных оппозиций политического дискурса – дихотомии «свой-чужой».

Местоимения придают речи политика эмоциональность, убедительность, экспрессивность, выразительность, однако главной их функцией в политическом дискурсе является их способность к эффективному манипулированию общественным мнением для достижения основной цели политической коммуникации – борьбы за власть/сохранения власти. При выборе языковых средств вообще и личных местоимений в частности политик ориентируется на достижение основной функции политического дискурса – оказание речевого и эмоционального воздействия и убеждение адресата.

ИСТОЧНИКИ

www.kremlin.ru - официальное интернет-представительство Президента России.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бенвенист, Э., 1974. *Общая лингвистика*. Перевод с французского Ю.Н. Караулова. Москва: Прогресс.

Галямина, Ю.Е., 2016. Мы – они: как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность. *Полис. Политическая наука*. № 5, сс. 152-167.

Касаткин, П.И. и Романенко, А.В., 2019. Риторика политических лидеров России и США: сравнительный анализ. *Полис. Политические исследования*, № 5, сс. 167-180.

Крапивкина, О.А., 2018. Прагматический потенциал местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*, № 3, сс.90-98.

Норман, Б.Ю., 2009. *Лингвистическая прагматика. На материале русского и других славянских языков. Курс лекций*. Минск: БГУ.

Норман, Б.Ю. и Плотникова, А.М., 2016. Конструкции с местоимением *мы*: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, № 6 (34), сс.126-138.

Синельникова, Л.Н., 2020. Дискурсивная семантика личных местоимений. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*, №2, сс.21-28.

Шейгал, Е.И., 2000. *Семиотика политического дискурса*. Волгоград: Перемена.

Шелякин, М.А., 1978. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке. *Ученые записки Тартуского университета. Тарту*, вып. 442, сс. 3-22.

Чернявская, В.Е., 2006. *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы реального воздействия*. Москва: Флинта.

REFERENCES

Benveniste, É., 1974. *Obshchaya lingvistika* [Problems in general linguistics]. Moscow: Progress. (in Russian).

Galiamina, J. Ye., 2016. My – oni: kak v diskurse Vladimira Putina raznykh let konstruiyuetsya identichnost' [We - they: how identity is constructed in Vladimir Putin's discourse in different years]. *Politicheskaya nauka*. [Political science]. № 5, pp. 152-167. (in Russian).

Kasatkin, P.I. i Romanenko, A.V., 2019. Ritorika politicheskikh liderov Rossii i SShA: sravnitel'nyy analiz [The Rhetoric of the political leaders of Russia and the U.S.: a comparative analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], №5, pp. 167-180. (in Russian).

Krapivkina, O.A., 2018. Pragmaticheskiy potentsial mestoimeniya my v yuridicheskikh diskursivnykh praktikakh [Pragmatics of the we-pronoun in Russian legal discourse]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*, № 3, pp. 90-98. (in Russian).

Norman, B.Yu., 2009. *Lingvisticheskaya pragmatika. Na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov. Kurs lektsiy* [Linguistic pragmatics. On the material of Russian and other Slavic languages. Lecture course.]. Minsk: BSU. (in Russian).

Norman, B.Yu. i Plotnikova, A.M., 2016. Konstruktsii s mestoimeniem my: formirovanie aktual'noy ili okkazional'noy kollektivnoy identichnosti [Construc-

tions with the pronoun we: the formation of an actual or occasional collective identity [Structures with the pronoun “we”: formation of actual and occasional collective identity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], № 6 (34), pp.126-138. (in Russian).

Sinelnikova, L.N., 2020. Diskursivnaya semantika lichnykh mestoimeniy [Discourse semantics of personal pronouns]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], №2, pp.21-28. (in Russian).

Sheygal, E.I., 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena. (in Russian).

Shelyakin, M.A., 1978. O semantike i upotreblenii neopredelennykh mestoimeniy v russkom yazyke. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* [Transactions of the Tartu State University]. Tartu, vyp. 442, pp. 3-22. (in Russian).

Chernyavskaya, V.E., 2006. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence]. Moscow: Flinta. (in Russian).

ԴԻԱՆԱ ԳԱԶԱՐՈՎԱ – Անձնական դերանունների գործարանական և մանիպուլյատիվ պոտենցիալը քաղաքական խոսույթում – Դերանունները, իրենց հիմնական դեյկտիկ նշանակությունից զատ, տարբեր գործառույթներ են կատարում քաղաքական խոսույթում: Դրանք հասարակության մանիպուլյացիայի հիմնական և արդյունավետ միջոցներից են: Թե ինչ դերանուն է ընտրում քաղաքական գործիչը իր խոսքում, կախված է տարբեր գործոններից՝ քաղաքական, աշխարհաքաղաքական, սոցիալական, հոգեբանական և այլն: Դերանունների օգտագործումը քաղաքական գործչի խոսքը դարձնում է ավելի արտահայտիչ և ավելի արդյունավետ իշխանության համար պայքարի կամ իշխանությունը պահպանելու գործընթացում, ինչը քաղաքական խոսույթի հիմնական նպատակն է: Անձնական դերանունները քաղաքական խոսույթում արտահայտում են ամենատարբեր իմաստներ, ընդհուպ տրամագծորեն հակառակը: Այսպիսով, օրինակ, *մե* անձնական դերանունը կարող է արտահայտել և՛ միասնության, և՛ համերաշխության գաղափար (ներառյալ՝ ինկլյուզիվ *մե*), և՛ ընդհակառակը՝ բաժանման գաղափար (բացառիկ էքսկլյուզիվ *մե*): Անձնական դերանունները նպաստում են «յուրային-օտար» դիխոտոմիայի ձևավորմանը, որը քաղաքական խոսույթի կարևորագույն բաղադրիչ է: Անձնական դերանունները քաղաքական խոսույթում ստանում են գնահատողական երանգ և արտահայտում են քաղաքական խոսույթի հիմնական պոստուլատներից մեկը. յուրայինը (մենք, մերը) լավն է, իսկ օտարը (իրենք, իրենցը)՝ վատը: Անձնական դերանուններն օգնում են քաղաքական գործչին համոզելու ժողովրդին/ընտրողին, որ նրա շահերը հաշվի են առնվում, որ քաղաքական գործիչն ու ժողովուրդը միասնական են, որ իրենք ունեն ընդհանուր շահեր, և այդ ամենը ուժեղացնում է խոսքային և զգացմունքային ազդեցությունը ընտրողների վրա:

Բանալի բառեր – քաղաքական խոսույթ, անձնական դերանուններ, «յուրային-օտար», ինկլյուզիվ *մե*, էքսկլյուզիվ *մե*

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ
МЕХАНИЗМОВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ
«ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»
(на материале английских, русских и армянских
прилагательных)**

КРИСТИНА МАТЕВОСЯН

Целью данного исследования является выявление сходств и различий в ассоциациях и способах номинации путем анализа семантических структур значений прилагательных, описывающих телосложение человека в английском, русском и армянском языках. Анализ семантических структур рассматриваемой лексико-семантической группы показал, что ассоциативные механизмы, проявляющиеся при описании телосложения человека, основываются на национальной культурной традиции. При выделении того или иного признака телосложения в ряде прилагательных используется сравнение с представителями животного и растительного мира, однако, разными в рассматриваемых языках. Характерным для описания телосложения является выделение определенных конституционных особенностей тела, не всегда одинаковых в английском, русском и армянском. Так, во всех этих языках худоба соотносится с болезненностью, в то время как невысокий рост в английском и армянском ассоциируется с чем-то половинчатым.

Отдельно рассматриваются прилагательные, образованные от личных имен литературных персонажей и известных людей.

Таким образом, при сопоставительном анализе ассоциативных механизмов вербализации понятия «телосложение человека» как фрагмента языковой картины мира на материале прилагательных английского, русского и армянского языков был выявлен ряд сходств ассоциативных образов, основанных на общекультурной традиции, а также ряд расхождений, обусловленных географическим положением, ландшафтом, национальными особенностями, обычаями и другими факторами, влияющими на специфику языка в сознании его носителей.

Ключевые слова: *прилагательные, телосложение человека, вербализация, языковая картина мира*

**CONTRASTIVE ANALYSIS OF ASSOCIATIVE MECHANISMS OF
"HUMAN BODY BUILD" CONCEPT VERBALIZATION IN ENGLISH,
RUSSIAN AND ARMENIAN ADJECTIVES**

KRISTINA MATEVOSYAN

The objective of the study is to identify similarities and differences in the associations and methods of nomination, by extracting and analyzing the semantic components in adjectives describing physical characteristics of the human body in English, Russian and Armenian. The semantic analysis of the studied lexicosemantic group revealed that

the associative mechanisms involved in the description of physical characteristic of the human body are based on the national cultural tradition. Comparison with animals and plants is used in a number of adjectives, however, different in the three languages studied. The allocation of certain parts of the body, yet not always the same in English, Russian and Armenian, is also observed. Thus, thinness is associated with sickness, while short stature in English and Armenian is identified as something incomplete.

Adjectives derived from the names of literary characters and famous people are considered separately.

Thus, the study revealed certain unity of associative images based on universal human cultural experience, as well as a number of diversities, conditioned by geographical location, landscape, national features, customs and other factors that contribute to a language peculiarity in the consciousness of the English, Russian and Armenian language speakers.

Keywords: *adjectives, physical characteristics of human body, verbalization, linguistic picture of the world*

Введение.

В процессе человеческой деятельности в любом языке фиксируется результат познания человеком объективного мира. Причем в каждом слове прослеживаются следы деятельности человека, которые были оставлены в языке многими предыдущими поколениями носителей данного языка. Совокупность этих знаний проявляется в каждом языке по-своему, отображая национальное восприятие действительности и формируя то, что называется «языковой картиной мира». Как справедливо отмечает В. Маслова, «Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире». (Маслова, 2001, с.63). В языковой картине мира вербализуется отношение человека к окружающей реальности и самому себе как ее части. Как утверждают представители когнитивной лингвистики, наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от культурного опыта – как общечеловеческого, так и национально-специфического, в чем и состоит ее своеобразие и универсальность (Маслова, 2001, с.63).

Лексико-семантическая группа прилагательных, описывающих телосложение человека, представляет определенный фрагмент языковой картины мира. В данных прилагательных особым образом зашифрован взгляд человека на окружающий мир и отображаются различия восприятия и языкового выражения отношения к таким понятиям, как рост, полнота и худоба. «Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. Тогда картина мира – это система образов» (Маслова, 2001, с.63), на формирование которых влияют такие факторы, как культурные ценности и традиции, природа, ландшафт и др.

В данной статье проводится сопоставительный анализ ассоциативно-образного комплекса языковых знаков, задействованных при вербализации понятия «телосложение человека» как фрагмента языковой картины мира в языковом сознании носителей английского, русского и армянского языков. Целью исследования является выявление сходств и различий в ассоциациях и способах номинации, при помощи извлечения и анализа семантической

структуры значений прилагательных, описывающих телосложение человека на материале вышеназванных трех дальнеродственных языков.

Ассоциативные механизмы вербализации понятия «телосложение человека».

Сравнение, как отмечает В. Маслова, есть самый древний вид интеллектуальной деятельности человека, предшествующий счету (2001, с.144). На основе сравнения и других интеллектуальных приемов у каждого народа вырабатываются свои стереотипы и символы. Самые первые сравнения, использованные при описании телосложения человека в разных языках, были прежде всего проведены с тем, чем человек был окружен – природой, растениями и животными. Армения – горная страна с не очень рослым населением, и в армянском языке человек высокого роста описывается прилагательным *լոռնահասակ* (*ростом с горы*). И хотя на северо-западе Англии есть территория низких гор, предгорий и морских скал, подобное сравнение в английском языке отсутствует, что можно сказать также и о русском языке, потому как Россия – страна преимущественно полей и лесов. Отношение к высокому росту у носителей армянского языка отражается, по нашим подсчетам, 15 прилагательными, как правило, образованными сложением, большая часть которых содержит сему восторга, восхищения: *սլոռնահասակ* (*սլոռն* – роскошный, богатый (Գալստյան, 1987, է.565)), *շքեղահասակ* (*շքեղ* – роскошный, великолепный (Գալստյան, 1987, է. 526)), *ախորժահասակ* (*ախորժակ* – *ցիկլոբոլոս*, желание (Աղայան, 1976, է.12)), *քաջահասակ* (*քաջ* – отличный, смелый (Գալստյան, 1987, է.705)), *գեղահասակ* (*գեղ, գեղեցիկ* – красивый (Գալստյան, 1987, է.224)), *վայելահասակ* (*վայելել* – наслаждаться (Գալստյան, 1987, է.625)), *սիգալանձ* – с гордой осанкой – *սիգ* (гордый) и *սիլնձալի* (доблестный) (Գալստյան, 1987, է.597, 550).

Интересно отметить, что в трех рассматриваемых нами языках в прилагательных, описывающих телосложение, присутствует сравнение с деревом. Примечательно, однако, что в русском языке сравнение проводится с корнем дерева, в английском – со стволом, и лишь в армянском языке для описания высокого роста используется сравнение с высокой кроной деревьев. Так, *коренастым* в русском языке называют человека малорослого, сравнивая его с той частью дерева, которой оно врастает в землю, наряду с низким ростом как бы отмечая положительное качество - крепкое и плотное телосложение (Ожегов, 1986, с.254). Подобное телосложение описывает и прилагательное *приземистый* (Ожегов, 1986, с.511), то есть находящийся ближе к земле, что на наш взгляд, также позволяет предположить ассоциацию с деревом, нижней ее частью. В армянском подобных ассоциативно-образных дериватов, описывающих низкий рост, нами не выявлено. С другой стороны, в армянском языке есть выражение «*երկրի ստորին գունդի տակ է*», которое означает, что на поверхности земли видна лишь часть человеческого тела, и что под землей – вдвое больше. Выражение применяется к человеку малорослому, причем имеется в виду не сам малый рост человека, а скрытность его характера. Английские прилагательные *stumpy* и *stocky*, образованные соответственно от слов *stump* –

пень и *stock* – ствол дерева, то есть часть дерева, что ближе к земле (а не ветви и крона), выражают значение «*невысокого и крепкого телосложения*». В армянском языке данное значение выражается не одним, как в русском (*коренастый, приземистый*) и английском (*stumpy, stocky*), а несколькими прилагательными, такими как *կարճիկ ու ամրակազմ, ցածրահասակ ու պնդակազմ*, каждое из которых имеет либо сему «*невысокий рост*», либо «*крепкое телосложение*», причем ни одно из вышеназванных прилагательных не содержит сему «*корень*» *արմար* или «*пень*» *կոճ*. Сравнение с деревом в армянских прилагательных, как уже говорилось, присутствует лишь в описании высокого роста – *սուսահասակ, նոճնահասակ* (ростом с ель, ростом с сосну) (Աղաջանի, 1976, է.1318,1079), эквивалентов которым нет в русском и английском языках. Армянскому прилагательному *եղեգնիրան* (с тонким станом, как у тростника) в русском соответствует сравнение «*как тростинка*», которым описывают худенькую, но стройную и, как правило, женскую фигуру. В английском же с тростником чаще сравнивают писклявый голос *reedy cry* (*reed* – тростник) (British National Corpus). Дерево «ива» в русской культуре является образом печали, и так как существительное «ива» женского рода, то и сравнение применимо только к женщине. В английском прилагательное *willowy* (от *willow* – ива) описывает стройную и гибкую фигуру – (*of a person*) *tall, slim and lithe* (Hornby, 2010, p.1482) *стройный, гибкий*, причем интересно, что, прилагательное *willowy* применяется чаще к мужчине, чем к женщине, о чем свидетельствуют данные Британского Национального Корпуса (British National Corpus). Символом Англии, как известно, является дуб, олицетворяющий несгибаемость, что отражено в прилагательном *robust* (от лат. *robur*) (Skeat, 1968, p.513), описывающем крепкое телосложение. В русском и армянском языках прилагательных, содержащих сравнение с дубом, либо с другим видом дерева при описании крепкого телосложения не выявлено. В то же время в армянском языке примечательно сравнение с зеленью в негативном значении «*слабый, хилый*» *թուխրախր – թուխմիրմիր, թուխկազմ* (Աղաջանի, 1976, է.426), эквивалентов которому нет в английском и русском.

В отличие от русского, в английском и армянском языках тело человека иногда ассоциируют с землей с точки зрения плодородия. Интересно, однако, что в английском сравнение проводится с неплодородной землей – прилагательное *scraggy, so скудной растительностью* (о ландшафте) и *тощий* (о человеке и животном) (Skeat, 1968, p.533), в то время как в армянском проводится ассоциация с урожайной землей – прилагательные *պարարտամիրմիր, պարարտակազմ* описывающие, напротив, женщину с пышными формами – (*գիրուկ կազմվածքով, պարարտ կին, պարարտ միրմիր*) (Աղաջանի, 1976, է.166), где *պարարտ* – *плодородный*, *պարարտ հող*.

Сравнение с животными и приписывание каких-либо качеств животного человеку – явление универсальное для трех сравниваемых языков, однако, выбор образов определяет своеобразие языковой картины мира для носителей разных языков, причем лишь немногие из этих сравнений выражены в форме прилагательных. Среди рассматриваемых единиц, описывающих телосложение, можно выделить целый ряд прилагательных,

которые изначально использовались для описания именно домашних животных. Так, прилагательное **поджарый** первоначально обозначало *гончого пса с подпалинами*, то есть название масти, а значение «сухощавый, худой» является вторичным (Фасмер, 1964, с.297). Это слово на английский переводится как *lean*, также отмеченное в словаре как '*о людях и животных*' (Hornby, 2010, p.730). Малорослого, но полного человека описывают прилагательным **chubby**, сравнивая с рыбой *chub* – рыба голавль – маленькая, но толстая, с большой головой. Данные прилагательные не имеют эквивалентов ни в русском, ни в армянском языках. С другой стороны, армянское прилагательное **տղիկիրանի** – *с талией, как у лани*, отсутствует в двух других рассматриваемых языках. Прилагательное **buff** (*well-built, hunky* (Online Etymology Dictionary) *крепкий, здоровый*, происходит от слова *buffalo* – буйвол и первоначально обозначало «желтый оттенок буйволовой кожи», а затем приобрело значение «полировать, делать привлекательным» и, наконец, в современном языке используется в значении «с развитой мускулатурой». Другое прилагательное **beefy** – *big and fat, большой и толстый* (от *beef* – говядина), претерпело развитие значения в студенческом сленге, где *to beef up* значит *add strength in sense of muscle - power - увеличивать мышечную массу* (Online Etymology Dictionary). В русском языке отсутствуют прилагательные с подобными семантиками, а сравнение с коровой всегда звучит грубо и применимо к крупной, неуклюжей женщине. Прилагательным **beefy** и **buff** соответствует русское **накачанный**, которое описывает скорее физическую форму (*Национальный корпус русского языка*). В армянском языке сравнение с буйволом **կղիկիրանի** используется при описании телосложения мужчины с накачанными мышцами, однако с явно отрицательной коннотацией «отсутствие какого-либо интеллекта» (Արևելահայերենի ազգային կորպուս).

Восприятие невысокого роста как чего-то половинчатого в английском языке выражает ряд прилагательных: **squat** (от глагола *to squat* – присесть, как бы не во весь рост, а на корточках) (Hornby, 2010, p.1256), **chunky** (от существительного *chunk* – кусок, ломоть) (Hornby, 2010, p.208), **stubby** (от *stub* – усеченный остаток карандаша, сигареты или предмета аналогичной формы после использования) (Hornby, 2010, p.1291). В армянском языке, среди прилагательных, описывающих низкий рост, есть прилагательное со схожей семантикой **կրտսիկ** (*կենդանի ձագ, детеныш домашней скотины*) (Աղաջան, 1976, է.760). Значение «часть целого» прослеживается и в армянском прилагательном **կրտսիկ** – *невысокий* (от *կրտ* – слиток (Ջահնկյան, 2010, է.410), *կրտնիկ* – комкать, *կրտսիկ* – фрикаделька (Աղաջան, 1976, է.746)). В русском языке прилагательных с похожими семантиками нет.

В процессе познания мира физический опыт человека в определенном смысле является базовым, что непосредственно отражается в построении им языковой картины мира. Эта особенность восприятия при взаимодействии и коммуникации людей универсальна для представителей любой национальности. Так, ряд прилагательных, описывающих телосложение человека, включает в себе когнитивную информацию о тактильном опыте, то есть номинация обусловлена признаком, осознанным в результате физического контакта, например армянское прилагательное **զրկիկ** (от *զրկել*

обнимать), *իսիսիիկ* – *полный, мягкий на ощупь*, которому нет аналогов в русском и английском языках; русское прилагательное *щуплый* (от глагола *ощупывать*) (Фасмер, 1964, с.510), которому нет соответствующих по семе ни в английском, ни в армянском языках. Из английских прилагательных к «тактильным», на наш взгляд, можно причислить и английские *heavyset* и *thickset* (*heavy* – *тяжелый*, *thick* – *плотный*). Среди прилагательных, описывающих полноту, в трех рассматриваемых языках выделяют слова, указывающие на наличие лишнего жира – *fat* – *жирный* – *ծիրսիւմիրիի*, а также лишнего, тяжелого веса – *overweight* – *грузный* – *ծիրսիւմիրիի*. Спецификой английского языка является наличие прилагательных с семой «нести полное тело», таких как *portly* (от глагола *to port – to carry*, нести (Skeat, 1968, p.457)), *hefty* (от глагола *to heft, to lift or carry something heavy* – поднимать или нести что-нибудь тяжелое) (Skeat, 1968, p.260). В русском и армянском языках среди прилагательных, описывающих полноту, не выявлено единиц с семой *поднимать, нести*.

Как известно, когнитивные процессы обусловлены широким социальным контекстом, они основываются на культурных традициях, что наблюдается и в некоторых рассматриваемых нами прилагательных. В английском языке существует пословица «пожалеть розгу – значит испортить ребенка», а телесные наказания в школах применялись до 1986 года (Овчинников, 2005, с.20), и отсюда наличие в английском прилагательного *strapping* – *tall and sturdy (especially of a young person)* (Hornby, 2010, p. 1283) – *крепкий* (от глагола *to strap* – пороть ремнем) (Skeat, 1968, p.601). И хотя телесные наказания применялись в разные времена во многих культурах, в русском и армянском языках прилагательных с подобной семой нет.

Гармоничность пропорций тела является одним из критериев при оценке *состояния здоровья* человека, и в языковой картине мира существует сформировавшийся языковой стереотип «худой, значит слабый и нездоровый», который выражен в трех рассматриваемых языках целым рядом прилагательных: *gaunt, wasted* – *тощий, худой*, *լիւն, իփաւր* (*худой, болезненный*), *ւնկարիւմիրիի* (*ւնկար* – *немогущий* и *ւմիրիի* – *тело*), *худой* (*слабый, плохой*). В армянском и русском языках, среди прилагательных, описывающих худобу, есть и дериваты от названий заболеваний, используемые в переносном смысле, например *հիւրք* (Աղսյան, 1976, է.449) – *чахоточный, очень худой*, которого нет в английском. Ассоциативно-образные производные английского языка *cadaverous, skinny, bony* (от *cadaver* – *труп*, *skin* – *кожа*, *bone* – *кость*), в армянском и русском языках представлены в виде словосочетаний *կաշիի ու ունկրիւմիր, կոճա ճա կոստի, կա տրոյ*, при отсутствии эквивалентных прилагательных.

Среди прилагательных, описывающих телосложение, во всех трех языках выявлены единицы, которые указывают на определенные части тела. Часть из них имеют эквивалентные прилагательные в сопоставляемых языках, как, например, *broad-shouldered* – *широкоплечий* – *լայնաթիկմէր, քիւնոցրոյ* – *լայնաթք* – *full-breasted*, либо в одном из трех рассматриваемых языков выражаются словосочетаниями, такими как *длинноногий* – *leggy*, которое в армянском языке выражается словосочетанием *երկար ոտերով*. Примечательно, что в армянском есть целый

ряд прилагательных, образованных словосложением с помощью корня *խան* (стан) – *նազիրան, գեղիրան, եղնիկիրան, գերիրան, դարարիրան, շրեղիրան, ջրնաղիրան* (Աղաշան, 1976) и т.д. эквивалентов которым нет в ни в русском, ни в английском.

В трех рассматриваемых языках есть прилагательные, образованные от прецедентных имен, т.е. имен литературных персонажей и известных людей. Так, в английском это такие прилагательные, как *Falstaffian* – со значением *толстый и веселый* от шекспировского Фальстафа, *Brobdingnagian* – *гигантский*, по аналогии со страной великанов из произведения Свифта, *Twiggy* – *тоненький, хрупкий* как знаменитая английская модель 60-х Твигги (от *twig* – прут), которая была так прозвана из-за своей худобы (British National Corpus), прилагательное *Rubenesque*, эквивалент которому есть и в русском – *рубенсовский* – о типе женщин, пышнотелых, как на картинах фламандского живописца. Большая часть подобного рода прилагательных не фиксируется в словарях и, как правило, они подвержены быстрому устареванию, как, например, прилагательное *Junoesque*. Вряд ли в настоящее время при описании женской фигуры ее сравнивают с римской богиней Юноной. «Героиня нашего времени» – это, скорее, *Кардашьян*, которая в армянской реальности больше известна своими формами и потому в армянском это имя является прецедентом для описания определенного телосложения. Примечательно, на наш взгляд, то, что в американском обществе Кардашьян известна своим неуживчивым нравом, соответственно в американском английском ее имя используется как нарицательное для описания скандального характера.

Выводы.

Таким образом, при сопоставительном анализе ассоциативных механизмов вербализации понятия «телосложение человека» как фрагмента языковой картины мира на материале прилагательных английского, русского и армянского языков, был выявлен ряд сходств ассоциативных образов, основанных на общечеловеческом культурном опыте, а также ряд расхождений, обусловленных географическим положением, ландшафтом, национальными особенностями, обычаями и другими факторами, влияющими на специфику языка в сознании его носителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маслова, В.А., 2001. Лингвокультурология. Москва: Академия.
Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [дата обращения: 12.03.2022].
Овчинников, В.В., 2005. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах. Москва: АСТ.
Ожегов, С.И., 1986. Словарь русского языка. Москва: Русский язык.
Фасмер, М., 1964. Этимологический словарь русского языка в 4 томах. Москва: Прогресс.
Աղաշան, Է.Բ., 1976. Արդի հայերենի բազմաարտալիկ բառերի: Երևան. Հայաստան:
Արևելահայերենի ազգային կորպուս (ԱԴԵՎԱԿ) URL: <http://www.eancs>

net/EANC/search/?interface_language=am [дата обращения:12.03.2022].

Գալստյան Ե.Հ., խմբ., 1987. Հայ-ռուսերեն բարարան: Երևան. ՀՄՄՀ ԳՍ հրատ.:

Ջահուկյան, Գ.Բ., 2010. Հայերեն ստուգաբանական բարարան: Երևան. Աստղիկ: URL: <http://www.nayiri.com/imaginedictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=51>. [дата обращения:12.03.2022].

British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> [дата обращения:12.03.2022].

Hornby, A.S., 2010. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English, Oxford University Press.

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/columns/post/sources> [дата обращения: 12.03.2022].

Skeat, W.W., 1968. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: Oxford Univ. Press; New Edition, Revised and Enlarged. URL:

https://books.google.am/books/about/An_Etymological_Dictionary_of_the_Englis.html?id=fHELAAAAMAA&printsec=frontcover&source=kp_read_button&hl=en&redir_esc=y#v=snippet&q=stately&f=false [дата обращения: 12.03.2022].

REFERENCES

Maslova, V.A., 2001. Lingvokul'turologiya [Cultural Linguistics]. Moscow: Akademiya Publ. (in Russian).

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> [Accessed 12 March 2022]. (in Russian).

Ovchinnikov, V.V., 2005. Korn'i duba. Vpechatleniya i razmyshleniya ob Anglii i anglichanakh [Oak roots. Impressions and reflections on England and the English]. Moscow: AST Publ. (in Russian).

Ozhegov, S.I., 1986. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (in Russian).

Fasmer, M., 1964. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh. [Etymological dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Moscow: Progress Publ. (in Russian).

Aghayan, E.B., 1976. Ardi hayereni bats'atartakan barraran [Dictionary of modern Armenian]. Yerevan: Hayastan Publ.

Arevelahayereni azgayin korpus (AREVAK) [National Corpus of Eastern Armenian (AREVAK)] Available at: http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=am [Accessed 12 March 2022].

British National Corpus (BNC). Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> [Accessed 12 March 2022].

Hornby, A.S., 2010. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English, Oxford University Press.

Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/columns/post/sources> [Accessed 12 March 2022].

Skeat, W.W., 1968. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: Oxford Univ. Press; New Edition, Revised and Enlarged. Available at:

https://books.google.am/books/about/An_Etymological_Dictionary_of_the_Englis.html?id=fHELAAAAMAA&printsec=frontcover&source=kp_read_button&hl=en&redir_esc=y#v=snippet&q=stately&f=false [Accessed 12 March 2022].

ՔՐԻՍՏԻՆԱ ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆ – «Մարդու կազմվածք» հասկացության լեզվականացման գուգորդային մեխանիզմների գուգադրական վերլուծություն (անգլերենի, ռուսերենի և հայերենի ածականների հիման վրա) – Ուսումնասիրության նպատակն է վեր հանել երեք լեզուների ածականների գուգորդումների և անվանման հնարավորությունների նմանություններն ու տարբերությունները դրանց իմաստային կառուցվածքի առանձնահատկությունների վերլուծության միջոցով: Դիտարկվող ածականների իմաստային կառուցվածքների վերլուծությունից պարզվեց, որ ասոցիատիվ մեխանիզմները, որոնք ներգրավված են մարդու կառուցվածքի նկարագրության մեջ, հիմնված են նրա մշակութային ավանդական պատկերացումների վրա: Մարդու ֆիզիկական կազմվածքի նկարագրման համար օգտագործվում է համեմատություն կենդանիների և բույսերի հետ, որոնք, սակայն, տարբեր են ուսումնասիրվող լեզուներում: Նկարագրող ածականներում ընդգծվում են մարմնի կազմվածքի որոշ առանձնահատկություններ, որոնք միշտ չէ, որ նույնն են անգլերենում, ռուսերենում և հայերենում: Այդ լեզուներում մարդու մարմնի կազմվածքը նկարագրելիս նիհարությունը կապվում է հիվանդության հետ, մինչդեռ ցածր հասակը անգլերենում և հայերենում ընկալվում է «ոչ ամբողջական» իմաստով:

Առանձին դիտարկվում են գրական հերոսների և հայտնի մարդկանց անձնանուններից ձևավորված ածականները:

Այսպիսով, անգլերենում, ռուսերենում և հայերենում «մարդու կազմվածք» հասկացության՝ որպես աշխարհի լեզվական պատկերի մի հատվածի բառայնացման գուգորդային մեխանիզմների համեմատական վերլուծությունը բացահայտում է ասոցիատիվ պատկերների մի շարք նմանություններ, որոնց հիմքում ընկած է համամարդկային մշակութային փորձը, ինչպես նաև մի շարք տարբերություններ՝ պայմանավորված աշխարհագրական դիրքով, լանդշաֆտով, մշակութային առանձնահատկություններով, ազգային սովորույթներով և այլ գործոններով, որոնք ազդում են լեզվամտածողության վրա և դրսևորվում լեզվում:

Բանալի բառեր – ածական, մարդու կազմվածք, լեզվականացում, աշխարհի լեզվական պատկեր, գուգորդային մեխանիզմ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. **Левон Акопян** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской литературы ЕГУ
Լևոն Հակոբյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի վարիչ
Levon Hakobyan – PhD, Associate Professor, Head of the Chair of Russian Literature, YSU
Эл. почта: levon.hakobyan@ysu.am
2. **Эдгар Аршакян** – соискатель кафедры русской литературы ЕГУ
Էդգար Արշակյան – ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի հայցորդ
Edgar Arshakyan – PhD student of the Chair of Russian Literature, YSU
Эл. почта: edgar.arshakyan@ysu.am
3. **Диана Газарова** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ
Դիանա Գազարովա – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուսաց լեզվաբանության, տիպարանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի դոցենտ
Diana Gazarova – PhD, Associate Professor of the Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication, YSU
Эл. почта: dgazarova@ysu.am
4. **Кристина Матевосян** – соискатель кафедры языкознания и теории коммуникации Государственного университета имени В.Я. Брюсова, преподаватель английского языка кафедры иностранных языков Ереванского государственного медицинского университета имени М. Гераци
Քրիստինա Մաթևոսյան – Վ.Բրյուսովի անվան պետական համալսարանի լեզվաբանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի հայցորդ, Երևանի Մ.Հերացու անվան պետական բժշկական համալսարանի օտար լեզուների ամբիոնի դասախոս
Kristina Matevosyan – PhD student at the Department of Linguistics and Communication Theory, State University after V. Bryusov, English instructor at the Department of Foreign Languages, Yerevan State Medical University after M. Heratsi,
Эл. почта: dorvardovna.kristina@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ * ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ * CONTENTS

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ
LITERARY CRITICISM

- Լևոն Առնոյան* – Аксиоматика поэтических сверхтекстовых единств 3
Լևոն Հակոբյան – Բանաստեղծական գերտեքստային միասնությունների արսիոմատիկա
Levon Hakobyan – Axiomatics of the Poetic Supertextual Units
- Ջոզար Արշակյան* – Устойчивые коннотации мифопоэтики белого цвета в творчестве А. Блока: от «Стихов о Прекрасной Даме» к «Двенадцати»..... 19
Էդգար Արշակյան – Սպիտակ գույնի կայուն կոննոտացիաները Ա. Բլոկի ստեղծագործությունում՝ «Բանաստեղծություններ Չքնաղ Տիկնոջ մասին» բանաստեղծական գրքից մինչև «Տասներկուսը» պոեմը
Edgar Arshakyan – Stable Connotations of Mythopoetics of White Color in A. Blok's Works: from «Verses About the Beautiful Lady» to «The Twelve»

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ԼԵՉՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ
LINGUISTICS

- Դիանա Գազարովա* – Прагматический и манипулятивный потенциал личных местоимений в политическом дискурсе..... 43
Դիանա Գազարովա – Անձնական դերանունների գործարանական և մանիպուլյատիվ պոտենցիալը քաղաքական խոսույթում
Diana Gazarova – Pragmatic and Manipulative Potential of Personal Pronouns in Political Discourse
- Կրիստինա Մատեոսյան* – Сопоставительный анализ ассоциативных механизмов вербализации понятия «Телосложение человека» (на материале английских, русских и армянских прилагательных) 57
Քրիստինա Մատեոսյան – «Մարդու կազմվածք» հասկացության լեզվականացման գուգորդային մեխանիզմների գուգադրական վերլուծություն (անգլերենի, ռուսերենի և հայերենի ածականների հիման վրա)
Kristina Matevosyan – Contrastive Analysis of Associative Mechanisms of "Human Body Build" Concept Verbalization in English, Russian and Armenian Adjectives
- Տեղեկություններ հեղինակների մասին..... 66
Сведения об авторах
Information about the Authors

Խմբագրության հասցեն. Երևան, Ալեք Մանուկյան փող., 1
Адрес редакции: Ереван, ул. Алека Манукяна 1
Address: 1, Alex Manoogian str., Yerevan

Վայք՝ journals.yసు.am
Էլ. փոստ՝ ephbanber@ysu.am

Հեռ. 060 710 218, 060 710 219

Հրատարակչական խմբագիր՝
Издательский редактор
Publishing Editor

Արմեն Հովակիմյան
Армен Овакимян
Armen Novakimyan

Վերստուգող սրբագրիչ՝
Контрольный корректор
Proofreader

Գայանե Գրիգորյան
Гаяне Григорян
Gayane Grigoryan

Թողարկման պատասխանատու՝
Ответственный выпуска
Issued by

Հասմիկ Եսայան
Насмик Есаян
Hasmik Yesayan

Ստորագրված է տպագրության 16. 03. 2022:
Չափսը՝ 70x108 1/16: Թուղթ՝ օֆսեթ: